Головнин В.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА НА ШЛЮПЕ «КАМЧАТКА» В 1817—1819 ГГ.

ТОМ 2

Путешествия вокруг света

Василий Головнин

Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. Том 2

«Алгоритм»

УДК 82/992
ББК 26.89(2Рос=Рус)

Головнин В. М.

Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817—1819 гг. Том 2 / В. М. Головнин — «Алгоритм», — (Путешествия вокруг света)

ISBN 978-5-486-03001-7

Василий Михайлович Головнин (1776–1831) – российский мореплаватель, вице-адмирал. В 1792 году окончил Морской корпус, участвовал в походах и сражениях русского флота в Северном море. В 1807–1809 годах совершил плавание из Кронштадта в Камчатку, где в течение двух лет исследовал ее берега, а также Курильские острова. А в 1817–1819 годах совершил второе кругосветное путешествие. С 1827 года руководил Кораблестроительным и Адмиралтейским департаментами. Под его руководством за четыре года было построено свыше 200 различных судов, в том числе первые в России пароходы. Скончался во время эпидемии холеры.В данный том входят дневники Головнина о его втором кругосветном путешествии на шлюпе «Камчатка» в 1817–1819 годах.

УДК 82/992
ББК 26.89(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03001-7

© Головнин В. М.
© Алгоритм

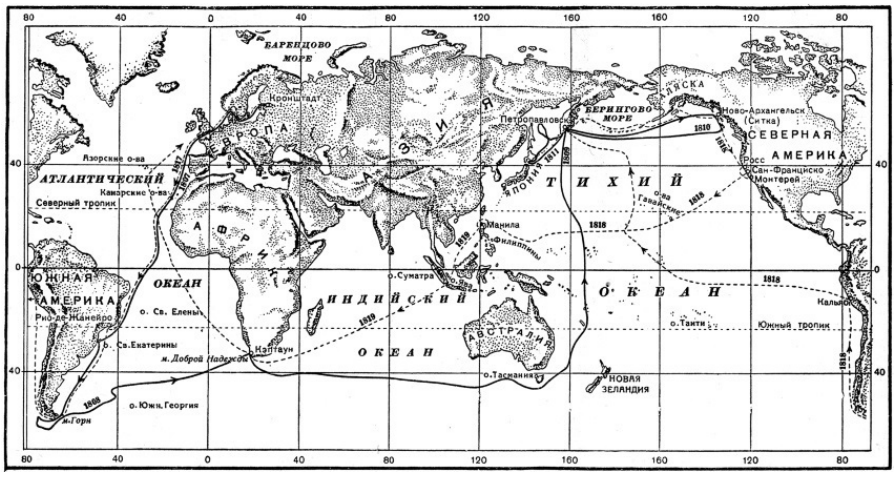
Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 18
Глава третья 30
Глава четвертая 37
Глава пятая 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Василий Михайлович Головнин Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка» в 1817–1819 гг.: Том 2

Глава первая

Приготовление к путешествию. – Плавание от Кронштадта до Рио-Жанейро и пребывание в сем порте с замечаниями об оном



Государь император в 1816 году изволил высочайше утвердить доклад морского министра об отправлении одного военного судна в Северо-восточный океан[1]. При назначении сего путешествия правительство имело три предмета в виду: 1) доставить в Камчатку разные морские и военные снаряды и другие нужные для сей области и Охотского порта припасы и вещи, которые по отдаленности сих мест невозможно или крайне трудно перевезти туда сухим путем; 2) обозреть колонии Российско-Американской компании и исследовать поступки ее служителей в отношении к природным жителям областей, ею занимаемых, и, наконец, 3) определить географическое положение тех островов и мест российских владений, кои не были доселе определены астрономическими способами, а также посредством малых судов осмотреть и описать северо-западный берег Америки от широты 60° до широты 63°, к которому, по причине мелководия, капитан Кук[2] не мог приблизиться.

Весной того же года морское начальство определило нарочно построить для предназначенного путешествия военное судно по фрегатскому расположению[3], с некоторыми только переменами, кои были необходимы по роду службы, судну сему предстоявшей. Сие судно через год было готово. Начальствовать над оным определен я в феврале 1817 года. Мне предоставлено было самому выбрать всех офицеров и нижних чинов, долженствовавших составлять экипаж судна, которое 12 мая было спущено на воду и наречено шлюпом[4] «Камчатка». Величиною сей шлюп равнялся посредственному фрегату, вмещая до 900 тонн грузу и имея батареи для 32 орудий, которых, однако ж, сочтено за нужное, по случаю всеобщего мира, поставить только 28. Сверх морских чиновников, старанием президента Академии художеств определен на шлюп молодой, но искусный живописец Тихонов. Во всех подобных путешествиях такой человек весьма нужен, ибо много есть вещей в отдаленных частях света, которых образцов

невозможно привести и самое подробное описание коих не в состоянии сообщить об них надлежащего понятия; в таком случае одна живопись может несколько заменить сии недостатки.

9 июня шлюп «Камчатка» привели в Кронштадт и тотчас начали приготовлять его к походу.

В приготовлении нашем не последовало ни малейшей остановки.

Высшее морское начальство определило снабдить нас самыми лучшими съестными припасами, из коих некоторые были заготовлены в Петербурге особыми подрядами, а другие, коих в России не находится, как-то: ром, водку, виноградное вино, предоставлено было купить в иностранных портах.

Сверх обыкновенных снарядов и съестных припасов, отпускаемых на корабли, мы имели много запасных, а также назначено было купить в Англии достаточное количество разных вещей и вновь изобретенных составов, служащих предохранительными средствами противу цинготной болезни[1], столь гибельной экипажу, между коим, по несчастию, она распространится. Морской министр приказал снабдить шлюп всеми лучшими морскими картами, книгами и инструментами, принадлежащими к мореплаванию и для делания астрономических наблюдений; в числе сих последних были три хронометра, или астрономических часов, работы лучших английских мастеров.

К половине августа мы были почти совсем готовы к походу, а потому 15-го числа вышли мы из гавани на рейд, где, окончив остальные работы и приняв порох и огнестрельные снаряды, поутру 26-го числа сего же месяца, в день вечно для России достопамятный бородинским сражением, отправились в путь с благополучным ветром от северо-востока[2]; он нам благоприятствовал только до Ревеля[6]: против сего города мы во всю ночь на 28 августа имели безветрие, а днем с боковым не совсем попутным ветром прошли его.

После того мы имели переменные ветры, то попутные, то противные, и по большей части тихие, с которыми не прежде могли пройти мыс Дагерорт[7], как 30 августа. С сим мысом кончились последние владения России, и мы вступили за пределы нашего отечества. Ветер тогда дул нам благополучный, и погода была ясная.

Первого сентября прошли мы острова Готланд и Эланд[8] и на другой день миновали остров Борнгольм[9]. В сие время дул свежий восточный ветер и погода стояла ясная, столь хорошая, что предзнаменовала продолжение восточных ветров, а это самое заставило меня помышлять о перемене прежнего плана нашего путешествия. Я располагал на несколько дней остановиться в Копенгагене, чтобы запастись для служителей водкою, ромом, вином, уксусом и многими другими потребностями для дальних плаваний, которыми в прежнее мое путешествие я запасался в Англии, и потом идти прямо в Бразилию; но установившийся попутный ветер, при благополучной погоде, которые столь редко случаются в осеннее время года, заставили меня думать: не лучше ли, не теряя благополучного ветра, миновать Копенгаген и направить путь прямо к Англии, где можно нимало не дороже получить все нужные нам припасы, когда правительство позволит купить оные без пошлин, что весьма легко было исходатайствовать посредством нашего посланника. Впрочем, сей план я еще не вовсе принял, предоставя решиться на то или на другое по прибытии в Зунд.

К ночи подошли мы к острову Мэну[10] и с наступлением темноты пошли между сим островом и Фалстербоуским рифом[11]. Невзирая на дурной маяк, мы с помощью лота и осторож-

---

[1] Чай, сахар, горчица, лимонная эссенция, спрюсова эссенция[5] и некоторые другие.

[2] Где я говорю северный, восточный, южный, западный ветер или от северо востока и северо западу и пр., я не разумею, чтоб направление было точно по сим румбам, а близко оных; но где нужно именно означить какое либо направление, там румб показан морским названием. Притом все румбы в сем путешествии означены по компасу, не исправленному склонением магнитной стрелки, а где надобность требовала употребить румб, исправленный склонением, там именно сказано: *по правому компасу*.

ности обогнули сей опасный риф очень хорошо и всю ночь продержались под парусами в Зунде против Кегебухты[12]. С рассветом (3 сентября) я надеялся получить лоцмана и идти к Гельсингёру[13], но наступивший туман принудил нас в 6-м часу утра стать на якорь.

До 5-го числа безветрие и туманы не позволили нам приблизиться к Копенгагену, невзирая на все наши покушения; но сего числа, с помощию хорошего восточного ветра, дувшего при ясной погоде, на рассвете подняли мы якорь и пошли к Гельсингёру. Против Копенгагена стоял тогда наш фрегат «Поллукс», на коем прибыл сюда российский посланник. Фрегат сей готов был отправиться в Россию, и в то время, когда мы приблизились к нему, он снимался с якоря; отправив на него донесение мое к морскому министру, мы пошли в путь, отсалютовав крепости и получив ответ по трактату. Погода была прекрасная, с весьма свежим восточным ветром; с нами и навстречу нам шло множество судов.

В 10 часов утра подошли мы к Гельсингёру, где, по обыкновению, салютовали крепости и брантвахте, с которых отвечали нам равным числом выстрелов. На Гельсингёрском рейде мы на якорь не остановились, а держались под парусами; между тем послал я на берег двух офицеров, барона Врангеля[14] и Савельева, сыскать для Северного моря лоцмана и купить несколько свежих съестных припасов как для офицеров, так и для служителей. Они исполнили возложенное на них поручение гораздо скорее, нежели я ожидал, и в 2 часа пополудни возвратились на шлюп. Тотчас пошли мы в путь.

Я не могу здесь обойти молчанием одного обстоятельства, для меня довольно странного: лоцман, ныне к нам приехавший, был тот самый старик Доссет, который вел «Диану» за десять лет перед сим и который, конечно, не стоил того, чтоб его взять; но из жалости и уважения к его бедности и престарелым летам я не хотел огорчить его и отослать на берег.

Шестого сентября поутру, в 8-м часу, при весьма свежем ветре от юго-востока и ясной погоде, прошли мы мыс Скаген[15] в расстоянии от него миль десять и пошли вдоль Ютландского берега к западу.

Юго-восточный ветер нам благоприятствовал; без всяких заслуживающих любопытства приключений прошли мы Доверский канал[16] в ночь на 10-е число сентября и после полудня того же числа пришли в Портсмут, где тотчас явилось к нам множество торговых людей предлагать свои услуги. Но я их предложениями не хотел воспользоваться в ожидании пособий от уполномоченного нашим лондонским генеральным консулом поверенного г-на Марша.

Двенадцатого сентября вечером отправился я из Портсмута, взяв с собою гардемарина Феопемта Лутковского для переписки набело английских бумаг.

Поутру 13-го числа приехали мы в Лондон. Первое мое дело было отыскать нашего консула, с которым увиделся я не прежде вечера и узнал, что требование в казначейство о позволении нам купить водку, ром и пр. без пошлин он подал и решения должен ожидать завтрашний день. Между тем сегодня я успел побывать у лучших здешних мастеров астрономических инструментов. Карты и книги велено было приготовить разным книгопродавцам и отправить в Портсмут.

Я в один день сделал все то, что до меня собственно касалось; относительно же повеления о пропуске на шлюп водки и рому без пошлин я решился подождать три дня, и если оного не последует, тотчас идти в Брест[17] и там купить сии запасы.

В воскресенье 16-го числа, в 11 часов утра, поехали мы из Лондона и через 12 часов приехали в Портсмут; на другой день узнал я, что на шлюпе у нас прошедший жестокий шторм не причинил никакого повреждения. Сего числа (17-го) умер у нас матрос Федор Рогов: он сделался жертвою сильного желания быть в сем путешествии, ибо за пять дней до нашего отправления из Кронштадта приключилась ему болезнь, которую он скрывал, опасаясь, чтоб его не оставили; наконец, по выходе в море, на другой день объявил он о своей болезни, которая причинила ему гнилую горячку. При всех стараниях лекаря нельзя было его спасти.

Восемнадцатого числа все вещи, как-то: книги, карты, инструменты и разные припасы, нужные для сохранения здоровья служителей, купленные мною в Лондоне, были уже в Портсмуте, и ветер был нам благополучный. Но остановка последовала только в английском казначействе о пропуске рома и водки без пошлины. 20 сентября получили мы в Портсмуте повеление дать нам сии припасы со снятием пошлин, после полудня и часть ночи мы принимали ром и устанавливали бочки, а в 4-м часу утра 21 сентября снялись с якоря.

На рассвете (21 сентября) мы были уже на просторе; тогда, отдав лоцману мои бумаги к консулу, подписанные для доставления в Россию, я его отпустил и, поставив все паруса, пошел в путь. Свежий ветер от северо-востока, дувший при ясном небе, быстро нес нас Английским каналом[18], так что на другой день пред рассветом прошли мы мыс Лизард[19].

От сего места *мы взяли,* говоря морским языком, *наше отшествие* из Европы.

Я решился править к острову Мадере. Ветры на сем переходе дули с разною силою и с разных сторон; но более нам благополучные, нежели противные, и бури ни одной не случилось.

По выходе нашем из канала до широты мыса Финистера[20] имели мы большею частию дождевые и пасмурные погоды, а потом стояли довольно ясные дни. Не встретив ничего достойного внимания, достигли мы Мадеры в 12 дней. Поутру 3 октября увидели остров Порто-Санто[21], а вечером прошли Мадеру; благополучный ветер и довольно счастливый переход из Англии делали ненужным приставать к сему острову.

Октября 5-го поутру увидели мы остров Пальму, северо-западный из Канарских островов. При отбытии нашем из Англии я располагал зайти к острову Тенерифу[22], чтоб запастись свежими съестными припасами, пресной водою и вином; но скорый переход наш Северным Атлантическим океаном заставил меня переменить мое намерение: в продолжение 14 дней, как мы оставили Англию, у нас воды вышло слишком немного, ибо более 10 дней служители получали по кружке в день пива вместо воды; притом она нимало не попортилась, и оставалось оной на два месяца, не включая еще той, которую трудно было доставать из трюма; свежее мясо недавно только вышло, зелени оставалось довольно, а дров очень много; следовательно, вина только надобно было получить в Тенерифе. Но так как нам нужно было не более четырех бочек, а сие ничего не значащее количество и в Рио-Жанейро сыскать легко было, конечно, несколькими сотнями рублей дороже. Но такая бездельная экономия не стоила того, чтоб терять прекрасный попутный ветер.

По сим причинам решился я пройти Канарские острова, из коих Пальму прошли мы поутру в расстоянии от оного к северо-западу от 10 до 15 миль, а Ферро – перед захождением солнца. Юго-западная оконечность сего острова в 5 часов вечера находилась от нас на расстоянии по глазомеру от 15 до 20 миль. Тогда стали мы держать к юго-западу со свежим ветром, дувшим от севера при ясной погоде. С нами шло одним курсом трехмачтовое большое купеческое судно, которое мы увидели еще на рассвете и которое, казалось, было английским вест-индским. Юго-западный курс я взял с тем намерением, чтоб, не приближаясь к африканскому берегу, скорее войти в пассатные ветры.

В ночь на 6-е число, когда мы находились от острова Ферро милях в ста, северный ветер переменился на северо-восточный и стал дуть почти с такою же силою и при такой же погоде, как дуют настоящие пассатные ветры; но в такой большой широте и притом в осеннее время настоящий пассат встретить было невероятно.

Двое суток ветер сей дул тихо и помог нам вечером 7-го числа пройти северный тропик в долготе 21°[3]; сего же числа стала показываться летучая рыба.

---

[3] Долготы считаю я от меридиана Гринвичской обсерватории и всегда к западу до 360°, потому что плавание наше кругом света было на запад.

В ночь на 8-е число северо-восточный ветер стал дуть сильнее и все при ясной погоде; это более еще обнадежило нас, что мы вошли в настоящий пассат.

Пользуясь весьма свежим благополучным ветром, мы скоро шли на всех парусах и 9-го числа поутру прошли параллель той широты (20°06′), в которой я, идучи на «Диане» в 1807 году, встретил пассатный ветер. Итак, теперь не оставалось ни малейшего сомнения, чтоб благоприятствующий нам ветер не был настоящий пассат: необыкновенное счастие встретить свежий пассатный ветер у Канарских островов!

Сего числа умер у нас еще один матрос (Сергей Максимов) от гнилой горячки; причина смерти сего человека была та же, от которой мы лишились первого матроса в Портсмуте: народом искоренить глупой и несчастной привычки не объявлять о своей болезни до самой крайности. В надежде обойтись без лекарской помощи и не желая быть на диете, они перемогаются, запускают болезнь, и ничего не значащие припадки делаются смертельными.

Десятого числа поутру проходили мы остров Св. Антония, западный из островов Зеленого Мыса[23], в расстоянии от оного 57 миль; однако ж мы его не видали, хотя, судя по его вышине, и можно было бы видеть.

Идучи с хорошим ветром, мы не встретили ничего примечательного до 12-го числа; а сего числа в широте 13°, долготе 25°, при частом захождении солнца увидели на ветре большое судно, которое шло гораздо полнее нас; сначала я думал, что оно идет своим курсом, но, приблизившись к нам на расстояние миль 4 или 5, оно стало держать *выше,* приближаясь к нам, и показало, что оно за нами в погоне. Я полагал, что это один из английских крейсеров, наблюдающих у африканских берегов, чтоб не производили торговли невольниками[24]. Судно сие, не успев спуститься к нам, принуждено было лечь с нами одним румбом; тогда на нем сожгли фальшфейер[25] и подняли несколько фонарей. Это долженствовало быть опознательным сигналом. В 9 часов, не быв в состоянии нас догнать, корабль сей выпалил под ветер из пушки[4] в знак, что желает с нами говорить. Тогда и мы отвечали ему пушечным выстрелом под ветер, давая тем знать, что наше судно военное, и в то же время убрали многие паруса, чтоб его дождаться, изъявляя через то готовность нашу переговорить с ним; но он, вместо того, чтоб тотчас к нам подойти, сам убрал паруса и не пошел к нам.

Я знаю правило англичан: они тотчас бы подошли под самую корму. Поступок сего судна заставил меня сомневаться, английское ли оно; видев, что оно к нам не подходит, мы поставили прежние паруса и пошли своим курсом; тогда и оно пошло за нами и поставило все паруса. Такие его движения заставили меня думать, что это судно принадлежит американским инсургентам[26], которые нападают на все суда без разбора, ибо я полагал, что оно боится на нас напасть, доколе хорошо не высмотрит, как мы сильны.

Желая поскорее с ним разделаться, я велел приготовить шлюп к бою, и когда все было готово, то в половине десятого часа мы опять убрали все паруса и привели к ветру, чтоб с ним сблизиться; но оно в ту же минуту сделало те же движения и не хотело к нам подойти. Такие робкие его поступки более меня удостоверили, что это не английское военное судно.

После опять мы пошли своим путем, и оно за нами; таким образом шли мы всю ночь; на рассвете же 13-го числа подняло оно английский флаг, а мы свой. В сию ночь (в широте 11°) мы потеряли пассатный ветер, который кончился жестоким порывом от юго-востока с дождем и громом. Потом ветры дули порывами от разных румбов с юго-восточной стороны, коими пользуясь, мы подавались очень хорошо к югу. Чужое судно за нами шло; наконец, в 11 часов выпалило под ветер из пушки; приготовя шлюп к сражению, легли мы в дрейф, и часа через полтора оно подошло к нам. Тогда мы узнали, что это английский военный шлюп «Блюссом»;

---

[4] Выпалить под ветер из пушки на море означает желание говорить с другим судном, в виду находящимся, по дружески, а против ветра выстрел показывает намерение силою остановить судно, буде само не остановится.

идет из Портсмута в Сан-Сальвадор[27]. Капитан оного, Гикей, старинный мой знакомый, служил со мною на фрегате «Фисгард»[28] два года, где он был первым лейтенантом. Узнав обо мне от присланного к нам от него офицера, он тотчас сам ко мне приехал и объяснил причину, почему ночью не хотел к нам приблизиться: он нас также считал испанскими инсургентами, как и мы его; знавши же, что экипажи их в какое ни попало судно палят без разбора, он прежде хотел увериться, точно ли мы из того рода судов. Таким образом, дело объяснилось, и как мы шли тоже к бразильским берегам, то я стал править с ним одним курсом.

Четырнадцатого числа ветер тихий, а иногда умеренный, при светлооблачной погоде, дул с восточной стороны. С полудня спутник наш англичанин стал держать к SSW, а мы правили на S; из сего я заключил, что он решился проходить экватор далее к западу, чтобы заранее увидеть бразильские берега около мыса Св. Августина[29].

До 18 октября мы имели переменные ветры как в силе, так и в направлении; погода также была непостоянная: иногда было ясно, а иногда облачно и дождь; нередко гром и молния, а особливо по горизонту. Впрочем, вообще погода была совсем не такова, какую встречают обыкновенно мореплаватели, проходя сию полосу жаркого пояса, где часто царствуют ужасные громы и проливные дожди при тихом ветре, иногда только пресекаемые порывами; а сего числа настал настоящий свежий пассат Южного полушария, дующий с юго-восточной стороны; мы встретили его в широта 4½° северной, долготе 26°. Сие обстоятельство еще более убеждает меня быть согласным с капитаном Ванкувером[30], что экватор гораздо лучше проходить западнее долготы 25°, нежели восточнее.

После сего ветер дул уже беспрестанно, постоянный пассат с ясной погодою, помощию коего мы плыли с большою скоростью. 23-го числа, в 5-м часу утра, ровно через 58 дней по выходе из Кронштадта, прошли мы экватор в долготе 29½°. Такой скорый переход заставил меня обратить внимание на усердие, с каким офицеры и нижние чины исправляли свою должность. Я желал торжественно изъявить им, сколь много они споспешествовали скорому нашему переходу, и потому в 9 часов утра, собрав всю команду наверх, прочитал им следующий приказ:

«По высочайшей воле его императорского величества дана мне власть нижним чинам начальству моему вверенного шлюпа в разных случаях выдавать денежное вознаграждение, смотря по моему рассмотрению. Необыкновенно скорый наш переход из Кронштадта под экватор, совершенный в 58 дней, случился оттого, что как офицеры и гардемарины, так и нижние чины с неусыпным усердием старались о скором приготовлении шлюпа к походу в Портсмуте; а в море, надеясь на их искусство и расторопность, можно было нести много парусов. Не имея права сам делать никакого награждения гг. офицерам и гардемаринам, я при первом случае представлю об них высшему начальству, а нижним чинам определяю в награждение двухмесячное жалованье, которое теперь же выдаст им клерк 13-го класса[31] Савельев».

Вследствие сего приказа тогда же и было выдано им награждение пиастрами[32].

До 1 ноября правили мы выгодными курсами вдоль бразильского берега, чтоб пройти в пристойном расстоянии мыс Августин и мели Абриохос[33]. Ветер нам благоприятствовал. Сего числа на рассвете облака по горизонту приняли вид медного цвета, что почитается признаком урагана, которого нельзя было ожидать у бразильских берегов в сие время года[34]. Однако ж подобный ему ветер случился, который можно назвать ураганом в самом малом виде, ибо с полуночи на 2-е число вдруг ветер перешел к N и стал дуть порывами с дождем, постепенно прибавляясь в своей силе; а в 2 часа пополудни вдруг порывом перешел к W и от сего румба дул весьма крепкими порывами несколько часов, потом опять вдруг же перешел к SW, наконец, к

S, и все дул весьма крепко; наконец стих после полудня 3-го числа. Я прежде не думал, чтоб такой ветер мог случиться здесь в летние месяцы.

Первого ноября стали мы держать прямо к мысу Фрио[35]; мыс Фрио мы увидели в 6-м часу утра 4 ноября. От нас он находился на запад в расстоянии около 30 миль.

На рассвете 5 ноября увидели вход в Рио-Жанейро, в который и вошли около полудня. При входе салютовали мы крепости, называемой Санта-Крус[36], и по силе трактата получили выстрел на выстрел; а когда мы уже вошли в залив, то приехали к нам на разных шлюпках два португальских офицера, чтобы узнать, кто мы, откуда и пр. Один из них был с брантвахты, а другой – морской капитан и адъютант королевский. К нам он приехал по обязанности своей доносить королю[37] обо всех приходящих военных судах.

Став на якорь, я тотчас послал двух офицеров на берег отыскать нашего генерального консула, который вечером с ними ко мне приехал. Тут мы условились, каким образом поскорее шлюп снабдить всем нужным, чтобы, не теряя времени, мне можно было отправиться в дальнейший путь. К великому моему удовольствию, узнал я от него, что 8-го числа сего месяца английское судно отправляется прямо в Англию и что на оном едет один его знакомый, который скоро может доставить мои письма в Лондон.

Шестого ноября поутру мы поставили шлюп на два якоря, а потом я с офицерами ездил на берег, обедал у нашего генерального консула и пробыл там до самой ночи. Мы были у него в загородном его доме, имеющем прелестное местоположение.

До сего я ничего не говорил о температуре воздуха, какую мы имели на нашем переходе; мы были так счастливы, что не имели ни больших жаров, ни холода; в продолжение нашего плавания шлюп не потерпел никаких повреждений и пришел в Рио-Жанейро в хорошем состоянии, как и команда оного.

Ноября 7-го числа весь день я был на шлюпе, занимаясь приготовлением писем, которые в 6 часов вечера и вручил генеральному нашему консулу для отправления в Лондон на английском корабле. Между тем дал ему список припасам, кои нам нужны, и просил о скорейшем приготовлении оных.

Сего числа приезжал к нам опять прежний морской капитан, адъютант королевский. Он мне объявил, что его величество рад видеть здесь военное судно российского императора, столь много им уважаемого, и что он повелел оказать нам всякое вспомоществование, какого только я пожелаю.

За такое внимание я просил, адъютанта изъявить мою благодарность его величеству, и что о сем я долгом себе поставлю довести до сведения нашего правительства; впрочем, будучи хорошо снабжен всем в своих портах, нужды ни в каком пособии здесь не имею.

Этот адъютант королевский показался мне предобрым и услужливым человеком, но ученость его была не слишком велика: увидев в моей каюте распятие, вдруг с великим удивлением бросился он смотреть на него и, разглядев, вскричал: «Это Иисус Христос!» – «Да, – сказал я ему, – это изображение Его распятия». – «Так вы веруете в Христа?» – спросил он. «Конечно!» – «И все русские веруют?» – «Без сомнения, все русские веруют, – отвечал я с видом удивления. – Да разве вы об этом не знали?» – «Никогда не слыхал, – сказал он мне, – чтоб русские были христиане; я всегда почитал их греками». Он, верно, полагал, что мы идолопоклонники и веруем в Юпитера, Марса[38] и пр.

Вечером сего же числа наш консул дал мне знать, что на представление его, когда королю угодно будет позволить мне с офицерами представиться его величеству, получил в ответ, что король был бы очень рад нас видеть, но теперь нездоров; коль же скоро будет ему лучше, то он назначит день и нас примет.

Хотя переход наш до Рио-Жанейро был непродолжителен, но как мы прошли поперек весь жаркий пояс не холодного климата и имели много дождей, то верхняя часть шлюпа тре-

бовала некоторых небольших поправок, равно как снасти и паруса, исправлением коих экипаж занимался, также налитием пресной воды и другими необходимыми в портах работами. В сих занятиях португальцы не делали нам никакой помощи. Да мы и не требовали оной. Я только просил доставить на их больших судах пресную воду, и консул наш получил ответ от морского министра на его отношение, за несколько дней к нему посланное, что повеление дано доставить к нам пресную воду немедленно; но мы оной и в следующий день не получили, а продолжали возить ее с берега на своих гребных судах и своими людьми: таковы-то португальцы на обещания и услуги! Сначала сами от имени короля и начальника порта предлагали их, а на деле самой малости – несколько бочек пресной воды – не хотели привезти из порта, где есть все нужные для сего суда и способы. Впрочем, я очень рад, что они и не дали нам воды: иначе эту малость вменили бы они в большое одолжение и заставили бы нашего поверенного в делах представить о сем государю, чтоб доставить за ничто русский орден какому-нибудь чиновнику. Лучше всего никому в чужих портах не одолжаться, если есть способы без сего обойтись.

Между тем они были довольно учтивы: начальник эскадры их, стоявшей тогда на рейде, присылал ко мне своего капитана поздравить с прибытием и предложить зависящие от него услуги; а второй по нем командир даже сам, предупредив меня, приехал ко мне с визитом, прежде нежели я успел у него быть. Командиры двух австрийских фрегатов, сопровождавших из Ливорно[39] до сего места эрц-герцогиню австрийскую, супругу наследного принца бразильского, прибывшую на португальском линейном корабле, также сделали мне честь своим посещением и даже в самый час нашего прихода прислали офицеров предложить их услуги и пособие, в которых мы, однако ж, ни малейшей нужды не имели.

Во время пребывания нашего в Рио-Жанейро, когда занятия наши по службе позволяли, мы были всегда на берегу для осматривания города и стоящих любопытства окружных мест. 9 ноября я и многие из наших офицеров взяли наемные коляски и под руководством нашего консула, который нам все показывал и изъяснял, объездили почти весь город. Бывши в Западной Индии, я уже знал о состоянии здесь негров, и меня нимало не изумил так называемый *рынок негров*[40], но товарищам моим показался крайне удивительным: это одна длинная улица, называемая Волонга, где в каждом доме внизу есть лавка, в которой нет никаких товаров, кроме негров на продажу. Они все сидят кругом на лавочках, и тут приходят покупатели, осматривают их, щупают, узнают, здоровы ли они, торгуют и покупают, как какой-нибудь домашний скот.

Одиннадцатого ноября, по приглашению нашего консула, ездил я с некоторыми из наших офицеров и гардемаринов верст за 25 от города смотреть водопад: место очень любопытное. При конце обширной плодоносной и весьма хорошо обработанной долины, окруженной с трех сторон превысокими горами и с одной стороны морем, находится сей водопад, низвергающийся двумя уступами, каждый из коих имеет вышины сажен до 40. Подле же самого водопада, под огромным камнем, находится пещера, в коей поставлены две из камня иссеченные ниши, наподобие киотов, и из камней сложены стол и скамейка. Здесь, сказывают, лет за сто пред сим, во время осады Рио-Жанейро французами[41][5], укрывался здешний епископ с своим причтом и совершал богослужение. На столе вырезывают свои имена путешественники. Тут мы завтракали и пробыли, доколе наш художник Тихонов не снял с него вида. Потом возвратились мы в дом, на половине дороги находящийся, где оставили свои коляски, а ехали к водопаду верхами, ибо сия половина дороги весьма гориста и столь дурна, что иначе и ехать нельзя, да и то только на лошадях, привыкших ходить по горам. В сем доме на половине дороги дожидалась нас супруга консула; здесь мы пообедали и уже ночью возвратились в город. Эту дорогу можно сравнить с нашею петергофской, потому что от города до самых гор по обеим сторонам нахо-

[5] Французы высадили несколько войск в вершине морского рукава, вдавшегося далеко в берег с западной стороны города, поблизости коего на холмах поставили батареи и хотели выжечь город бомбардированием; однако ж вицерой[42] согласился спасти его уплатою большой суммы денег. Французы, получив ее, немедленно удалились.

дятся загородные дома и сады, принадлежащие вельможам и людям богатым; дома по большей части очень малы, а сады обширные и прекрасные; но это здесь не редкость: вся Бразилия сад.

Шестнадцатого числа Лангсдорф[43] известил меня, что король примет нас завтра вечером в загородном своем дворце, куда мы должны отправиться в 6½ часов пополудни, чтоб быть там в 8-м часу вечера. Вследствие сего назначения на другой день мы хотели ехать, но консул уведомил меня, что по причине полученных сего числа из Лиссабона новостей о случившемся там бунте[6] король отсрочил представление наше к нему до понедельника (19-го числа); а как мы были совсем готовы к выходу в море и на следующий день я располагал отправиться в путь, то мы и не надеялись иметь честь видеть его величество. Однако ж наступившая 17-го числа пасмурная, дождливая погода при юго-западном ветре, продолжавшаяся несколько дней, помешала нам выйти в море; и потому в назначенный день вечером, в 7 часов, я с пятью офицерами и с консулом поехали в загородный королевский дворец[7], отстоящий от Рио-Жанейро верстах в семи или восьми. Мы приехали, когда король был в церкви у вечерней молитвы. Стоя в дверях церкви, дожидались мы почти целый час; слышали королевскую музыку и певчих: играли и пели они очень недурно, но странно, что как музыканты, так и певчие, из коих многие мулаты и негры, одеты как ни попало и вообще очень дурно.

По окончании молитвы первый королевский камергер, одетый в богатый красный мундир, с двумя звездами, доложил о нас, и через четверть часа из галереи, где мы находились, вдруг двери отворились в огромную залу, в дальнем конце коей стояло что-то похожее на трон, завешенное белыми занавесами. Зала сия была очень слабо освещена. Король, в синем мундире, в двух лентах и с двумя звездами, в шарфе, со шпагою и с палкою, стоял у стола с своим камергером. По этикету здешнего двора, вступив в залу, мы королю поклонились; пришед на половину залы, опять поклонились и, подойдя к нему, еще раз; тогда и он нам поклонился и сделал шага два вперед. Лангсдорф, в звании поверенного в делах, нас ему представил. Тогда король стал говорить со мною о нашем путешествии, о фрегате, каково нам нравится здешний климат и город, и, сделав вопросов десять, поклонился, пожелав благополучного плавания. Мы также, выходя спиною назад до самых дверей, сделали ему три поклона.

Мокрая погода с тихим южным ветром продолжалась во весь день 20-го числа и мешала нам идти в море. Однако ж на следующий день я решился попробовать выйти из гавани с намерением удалиться от берегов миль на 80 или 100, где, по всей вероятности, мы имели причину надеяться встретить хороший юго-восточный или восточный ветер и ясную погоду.

Я не должен умолчать об учтивости и внимании, оказанных нам капитаном бывшей здесь корветты[45] Соединенных американских штатов: он первый приезжал ко мне и со мною познакомился; после, по приглашению, я у него на корветте завтракал, где был также американский посланник со всем своим семейством, которому он меня рекомендовал. Посланник и фамилия его обошлись со мною чрезвычайно хорошо, так, как и многие другие гости из разных наций; мы все состояли из девяти разных народов: русские, американцы, англичане, австрийцы, голландцы, папские итальянцы[46], венециане, иллирийцы[47] и французы; но из хозяев здешней земли, то есть из португальцев и бразилиянцев, никого не было. В Рио-Жанейро также нашел я одну даму, урожденную богемиянку, жену недавно приехавшего сюда австрийского ученого; дама сия жила долго в Москве гувернанткою в одном знатном доме и говорит весьма хорошо по-русски. Приятно в такой отдаленности от своего отечества встретить людей, которые там бывали и знают наш язык, столь мало известный в чужих странах.

---

[6] Когда в Лиссабоне повесили Гомеца де Фреру и нескольких чиновников [44]

[7] Здание сие не похоже на дворец: оно принадлежало частному человеку и куплено королем по нужде, потому что лучшего не было.

Замечания о Рио-Жанейро и о Бразилии вообще

Рио-Жанейро, называемый так в обыкновенном разговоре, и *Рио-де-Жанейро Сан-Себастиан*[48] в официальных бумагах, есть столица Бразилии. Город сей лежит при обширном, от всех ветров закрытом заливе, который от первых, посетивших оный европейцев получил название Rio (река), потому что он показался им рекою, и когда наименование сие вошло в общее употребление, то о перемене оного не заботились[49]. Город находится на юго-западной стороне залива и лежит при самом береге, на весьма низком месте, будучи окружен превысокими горами, и, так сказать, *между* горами, ибо и в средине самого города есть горы, на коих построены церкви и монастыри. Горы сии, заслоняя большую часть города от приходящих в залив судов, весьма уменьшают его в глазах зрителя; а соседство превысоких кряжей представляет взорам его все здания в уменьшенном виде, и потому, доколе не съехали мы на берег и не посмотрели города внутри его, он нам показался ничего не значащим; но в самом деле он довольно пространен.

Дома в нем кирпичные, выбеленные; большая часть в два этажа, много одноэтажных, но редкие имеют три этажа[8]. На многих из двух- и одноэтажных домах есть, так сказать, *наделки:* иные наподобие мезонинов, а другие – бельведеров[50]. Вообще здешние жители любят украшать свои дома: кругом окон и дверей делают они резьбу или разноцветные *бордюры,* а наверху по углам ставят какие-нибудь вазы и фигуры. Это придает улицам их, вообще чрезвычайно узким, какую-то странную пестроту. Улицы все вымощены булыжником с узенькими тротуарами.

Как из общественных, так и из частных зданий нет во всем городе ни одного, которое бы достойно было внимания европейца по огромности или красоте архитектуры. Дворец, стоящий на берегу у самой главной пристани, походит на дом частного человека. Церквей и монастырей огромных вовсе нет; одни лишь крепости хорошо построены, да и в тех, говорят, внутри большой беспорядок. Иностранцам не позволено входить в оные, и потому мы не могли видеть их внутри.

Жителей в Рио-Жанейро считается 120 тысяч; в том числе полагается 15 негров на одного белого. Войска же находилось при нас от 4 до 5 тысяч. Город сей считается первым торговым местом во всей Бразилии. Теперь здесь находится 60 английских торговых домов, которые отправляют отсюда великое количество сахарного песку, пшена сарачинского[51], хлопчатой бумаги и кофе; сии товары берут они за получаемые ими английские произведения[52]. Здешняя область славится своим превосходным кофе, а Фернамбуко[9] – хлопчатою бумагою; С.-Сальвадор же[10] производит лучший сахар.

Народонаселение и произведения Бразилии чрезвычайно увеличились со времени прибытия в оную королевского дома. В одно время с королем переселились в Рио-Жанейро 20 тысяч португальцев, и с того времени беспрестанно приезжают португальцы и иностранцы, покупают земли и заводят плантации. Недавно поселился здесь один богатый француз, живший на острове Сен-Доминго[55], купил большое поместье и, употребляя в работу 50 негров, в короткое время развел 50 тысяч кофейных дерев. И наш консул Лангсдорф купил неподалеку от Рио-Жанейро землю, пространством в одну квадратную португальскую лигу, за 5 тысяч пиастров; он устраивает на ней кофейную плантацию и имеет уже более тысячи дерев.

---

[8] Здесь не строят больших домов по той причине, что правительство отводит в них постой чиновникам и почти отнимает у хозяев.

[9] Сию область иностранцы называют иногда Олинда, но португальцы не знают ей другого имени, кроме Фернамбука[53].

[10] Португальцы называют оную область не С. Сальвадор, а Бахия (Bahia), то есть залив, от залива Всех Святых [54].

До прибытия сюда королевского дома наблюдалась здесь чрезвычайная строгость в отношении к иностранцам: никто не мог без солдата съехать на берег и ходить по городу иначе, как под таким же конвоем: за город же иностранцам ходить отнюдь не позволялось. Ныне, напротив того, все пользуются здесь такой же свободою, как в европейских столицах; мы сами ездили верст за 25, не имев с собою ни одного португальца. Гребных судов наших, ездивших на берег, никогда не осматривали, и мы, как офицеры, так и матросы, могли ходить и ездить без всякого надзора. Даже всем иностранцам позволяют ныне путешествовать внутри Бразилии и делать свои наблюдения. Недавно приехали сюда несколько ученых австрийцев с тем, чтоб делать замечания о произведениях Бразилии. Они получили позволение ездить где и как им угодно.

Достойно примечания, что и к рудникам ездить не запрещено. Наш консул Лангсдорф был там. Место, где добывается золото, начинается от Рио-Жанейро в 500 верстах и хотя называется минами (minas)[56], но мин там нет никаких, а сама земля так богата золотом, что, промывая оную, получают немалое количество сего металла. Всякому дозволено доставать золото сим способом, с тем только, чтоб пятую часть платить королю. Драгоценных камней также позволено искать частным людям, платя известную долю в казну. Только алмазы[57], сколько их ни найдется, принадлежат королю; и правительство принимает самые строгие меры, чтоб воспрепятствовать тайному вывозу сих камней, только не всегда в том успевает. Сказывают, что ежегодно вывозится на превеликие суммы алмазов тайным образом. Лет за десять пред сим один ученый англичанин, путешествовавший по Бразилии, получил позволение осмотреть алмазные мины с правом, чтоб его на заставах не осматривали[11]. Воспользовавшись сим позволением, он вывез большие сокровища и в Лондоне завел лавку драгоценных камней. Но дурно отплатил португальским приставам: он издал в свет книгу, в которой подробно описал все плутни и хитрости, употребляемые в Бразилии при тайном вывозе алмазов, и назвал по именам всех чиновников, участвующих в сих злоупотреблениях. Правительство, увидев сию книгу, предало суду всех тех, о коих в ней упоминается, и приказало перевешать.

В Рио-Жанейро можно запастись всеми жизненными потребностями, из коих многие, однако ж, привозятся из Европы и дороги, например: лук привозят из Опорто[58]; картофель, масло и сыр – из Ирландии и Англии; скот же пригоняют из Рио-Гранде[59], отчего говядина здесь очень нехороша и вовсе без жиру.

Что же касается до европейских изделий, то англичане оными, можно сказать, завалили сей город. Надобно знать, что этот народ пользуется здесь большими торговыми преимуществами. Во-первых, англичанам позволено привозить сюда все изделия своих фабрик и мануфактур без изъятия; во-вторых, платят они по 15 процентов пошлины с цены ввозимых ими товаров, между тем как сами португальцы должны платить по 16, а все прочие иностранцы по 24. Английские купцы, здесь живущие, сами своих товаров не выписывают, а получают оные на комиссию из Англии и берут за продажу и высылку денег по 7½ процентов, а за закупку и высылку здешних произведений по 5 процентов; таким образом, они скоро обогащаются, не опасаясь банкротства.

Самую большую выгоду получают здесь капиталисты, отдающие наличные деньги в долг за большие проценты молодым людям, решающимся составить свое счастие торговлею в Индии или в Китае. Сие производится следующим образом: молодой человек хорошего поведения, желающий испытать счастия в торговле, снискивает доверенность богатых людей и с их поручительством занимает деньги за 30 и за 35 процентов в год; покупает товары и едет с ними в Индию, а заимодавец платит 8 процентов, чтоб застраховать свой долг на случай кораблекрушения и прочих несчастных случаев. И так из 30 процентов ему остается 22 верных, ибо в

[11] Надобно знать, что всех возвращающихся из алмазных мин на заставах обыскивают с ног до головы; даже разбирают седла и разламывают сундуки, чтоб между досками не было скрыто алмазов.

случае неудачи занимателя в торгу или по дурному расчету платят долг поручители, а в случае несчастного приключения на море отвечает страховая контора.

Теперь намерен я сообщить некоторые замечания, которыми могут пользоваться мореходцы при посещении Бразилии.

Что принадлежит до географического положения Рио-Жанейро, то хотя при взгляде на карту и кажется, что сей порт лежит далеко в стороне от пути, коим должны плыть суда, идущие в Индию или около мыса Горна, но сведущий мореплаватель тотчас усмотрит, что он находится на самой, так сказать, большой дороге и как будто бы нарочно природой предназначен служить ему местом отдохновения, *постоялым двором.* По вступлении его в пределы тропической полосы всегда господствующие в ней пассатные ветры и производимые ими течения нечувствительно увлекают его к западу, и, наконец, против его воли, приближают к берегу Бразилии, так что ему уже останется весьма малый переход, чтоб войти в какой-нибудь порт сей части Южной Америки; а из всех пристаней ее Рио-Жанейро, бесспорно, есть самая лучшая, и вот почему:

Во-первых, Рио-Жанейро лежит почти под тропиком, еще несколько далее, следовательно, на краю южных пассатов и близко к полосе, где начинают господствовать западные ветры, и потому по выходе из него очень немного надобно пройти к югу, чтоб встретить ветры, благоприятствующие плыть к востоку, буде путь лежит около мыса Доброй Надежды. Если же нужно идти к мысу Горн, то те же ветры и в ту сторону непротивны.

Второе: вход в Рио-Жанейро, так как и самый порт, есть один из самых удобных и безопасных.

Наконец, я сделаю кое-какие замечания в отношении к способам продовольствия, коими утомленные мореплаватели могут здесь пользоваться. Разумеется, что суда, отправляющиеся из Европы в дальние путешествия, дома запасаются такими съестными припасами, кои могут долго сохраняться, например, сухарями, соленым мясом, маслом и пр., следовательно, на пути только могут иметь нужду в свежих припасах, каковые Рио-Жанейро может доставить в большом изобилии для целого флота. Правда, что не все они лучшего качества, как-то: говядина и баранина очень нехороши, потому что скот пригоняют из областей Св. Екатерины [60] и Рио-Гранде чрез большое пространство и, не дав ему времени поправиться, убивают. Мне случалось видеть стада быков, кои пригоняли в город: они точно состояли только в коже да костях, и потому здешнее мясо сухо, жестко и не имеет ни куска жиру. Затем довольно много есть вкусных птиц – кур, уток и индеек, которые, однако ж, дешевы. Рыбою здешнее место изобильно.

В осторожность тем мореплавателям, которые сами будут ловить в рио-жанейрской гавани рыбу, надобно сказать, что здесь есть два рода ядовитых рыб, но их узнать нетрудно: одна из них походит на угря и скользка, а другая – безобразная рыба, имеющая весьма большую голову и нос, подобный птичьему.

Из всех съестных припасов в большем изобилии здесь находится зелень; рынки обременены ею: капуста, салат, огурцы, тыква, редька в пребольшом изобилии; плоды же бывают по временам года: при нас были только в поре арбузы, бананы, апельсины, лимоны и некоторые другие. Ананасов поспевших еще не было. Впрочем, здесь всегда можно запастись за умеренную цену в сахаре приготовленными разного рода плодами.

Лук, картофель и кокосы здесь привозные и потому недешевы, однако ж их можно достать во всяком количестве.

В окружных местах находится много дичины, как-то: уток, разного рода куликов, диких голубей и пр., только не так близко, чтоб можно было приходящим сюда мореплавателям пользоваться охотою; впрочем, хотя в гавани есть большой остров, лежащий недалеко от якорного места (означенный на карте под именем Королевского острова), который наполнен дичиною, но на нем ни рыбы ловить, ни птиц стрелять не позволяют, потому что он принадлежит королю.

Рио-Жанейро имеет также некоторые произведения, которыми выгодно можно запастись, как настоящею морскою провизиею, каковы суть: сарачинское пшено и ром; первое очень хорошо и дешево, а ром сначала дурен, но после улучшается. Здесь еще есть одно произведение, заменяющее саго[61]: это крупа, делаемая из корня маниока[62] и называемая тапиока. Маниок – растение очень известное, из коего корня делается мука, употребляемая в пищу негров, а тапиока есть лучшая часть сего корня.

Что же принадлежит до морских снарядов, то оные хотя здесь и есть, но мало и очень дороги; и починка судов должна быть медленна и крайне затруднительна. Прежде здесь была королевская верфь, на которой строились суда, но по причине затруднения в доставлении лесов уничтожена, а корабельное строение ныне производится в С.-Сальвадоре, где лесов больше и они ближе. Здесь же в арсенале почти ничего нет: я исходил его во всех направлениях и, кроме нескольких старых мачт и полусгнивших под золотом королевских галер, ничего не видал.

По географической широте Рио-Жанейро, лежащего под тропиком, жары были бы в нем несносные для европейца, если бы не было так называемых морских ветров, свойственных всем жарким странам, дующих с довольною силою с моря почти в течение всего дня. Ветры сии прохлаждают воздух и делают пребывание на морском берегу не только сносным, но и приятным. В Рио-Жанейро морской ветер обыкновенно начинается около 12 часов утра от востока и дует почти до самого захождения солнца, потом на несколько часов наступает тишина, после коей легкие ветерки дуют от разных румбов с берега, и сие продолжается до солнечного восхода; потом опять делается безветрие, продолжающееся до наступления морского ветра. Величайший жар бывает во время утреннего безветрия: при нас он никогда не превышал по Реомюру 27½° (в полдень)[12], а самой малой теплоты было 14° (при дожде); среднее же стояние термометра было 17, 18, 19 и 20. Впрочем, мы были в Рио-Жанейро в начале только лета, когда большие жары еще не настали, которые здесь бывают в январе и феврале.

Погоды при нас были очень непостоянные: из 17 дней пребывания нашего в рио-жанейрской гавани 5 дней были, в которые дождь шел по нескольку часов, и 5 дней, когда при пасмурной, мрачной погоде во весь день шел мелкий дождь, и это всегда случалось при ветрах между юга и запада, кои обыкновенно наносили мрачность, а иногда туман. Крепких ветров при нас здесь не было: они всегда дули умеренно. Гром мы имели только однажды, и то не слишком сильный и кратковременный. Жители сказывают, что будто прежде у них гораздо чаще и сильнее были громы, которые сделались *реже* со времени приезда сюда *короля*[63].

[12] Наши замечания были деланы на шлюпе, а в городе, конечно, теплота превосходила ту, которую мы имели; но я полагаю, что разность была не слишком велика, ибо влияние морского ветра и на город распространяется.

Глава вторая

Плавание от Рио-Жанейро около мыса Горна. – Прибытие в порт Каллао, на берегу перуанском, и пребывание в оном

Ноября 23-го числа в 5-м часу утра снялись мы с якоря и с помощью весьма легкого ветерка от востока, попутного течения и буксира пошли в путь. До полудня успех наш был очень мал, и мы чуть подавались вперед, а с полудня ровный ветер, при весьма ясной погоде, стал дуть от юго-востока; тогда мы стали править настоящим своим курсом к юго-западу.

В бытность нашу в Рио-Жанейро испанский посланник, посредством нашего консула пригласив меня к себе, просил о весьма важном для испанского двора деле, которое состояло в следующем. С того времени как португальцы завладели Монтевидео[64], дела между испанцами и ими пошли очень нехорошо. Первые европейские державы взялись быть посредниками между ними и получили обещание португальского посланника, в Париже находящегося, что двор его сдаст Монтевидео испанцам; но в самом деле из Рио-Жанейро беспрестанно посылали туда подкрепления, да и при нас три тысячи войска готовы были отправиться. На требование же испанского министра объяснений по сему случаю давались ему самые колкие и надменные ответы, даже до того, что он почитал их почти объявлением войны. «Каждый почерк пера бразильского кабинета есть объявление войны», – сказал он мне, говоря о нотах к нему здешнего министерства.

О таком положении дел между сими двумя дворами испанский министр должен был как можно скорее сообщить перуанскому вицерою[65]: безопасность их владений в Южной Америке того требовала, а как он не имел для сего никакого случая, то и прибегнул ко мне и просил, чтобы в уважение дружбы и доброго расположения нашего государя к Испании я согласился, по пути, зайти в Лиму и отвезти туда его бумаги. Поелику время мне позволяло и я нимало от настоящего своего пути, следуя в Камчатку, уклониться принужден не был, то охотно согласился оказать услугу испанскому двору, которая, по уверению генерального нашего консула, должна быть приятна его императорскому величеству, о чем, однако ж, прежде я никому не говорил, но сего числа объявил по команде, что мы идем в Перу.

Оставив Рио-Жанейро, я должен сказать, что место сие мне очень понравилось по чрезвычайной красоте природы, о чем в замечаниях моих более сказано.

В 8 часов вечера 23-го числа ветер перешел к северо-востоку и при совершенно ясном небе начал дуть с такою силою, как обыкновенно дуют у здешних берегов муссоны; мы несли все паруса и шли миль по 7 и по 8 в час. Правил я таким образом, чтоб пройти устье реки Платы[66] в расстоянии около 200 миль, дабы избежать действия сильного течения, стремящегося из сей огромной реки. Между тем мы приготовили и разложили наверху все ручное оружие, картузы с порохом, лядунки, рога, фитили и пр., чтоб быть во всегдашней готовности к сражению. Сию нужную осторожность я принял вследствие полученных мною в Рио-Жанейро известий, что возмутившиеся в Южной Америке испанцы нападают на суда всех народов[13], кроме англичан[67]; а русских, по каким-то слухам, недавно стали они считать союзниками короля испанского.

Ветры, дуя с разной силой и при разных состояниях погоды, продолжали нам благоприятствовать: мы очень скоро подавались вперед. До 30-го числа с нами ничего примечатель-

[13] Республиканцы сии недавно взяли два португальских купеческих корабля, шедших из Индии; по требованию бразильского двора они их возвратили и присудили корсара заплатить убытки, простирающиеся до 30 тысяч пиастров. Корсар же сей был вооружен в Соединенных американских штатах иждивением их консула, находящегося в Буэнос Айресе, и укомплектован американцами.

ного не случилось, а сегодня в широте 34°, долготе 48½°, совсем против нашего чаяния, встретили мы русское судно, или, лучше сказать, судно под русским флагом, потому что на нем ни одного человека русского не было. Судно сие называется «Двина» и принадлежит архангельскому купцу Бранту. Корабельщик же оного – немец, по имени Спратто. Из Архангельска оно пошло 3 сентября прошлого года и в ноябре того же года пришло в Гамбург, а в декабре вышед оттуда, 7 августа сего года прибыло в Буэнос-Айрес; 27-го числа сего месяца оттуда вышло и теперь идет в Гамбург. Не желая задержать его, чтоб отправить с ним письма, я дал ему только записку о нас, с тем чтоб по приходе в Гамбург он напечатал в газетах, где он нас встретил и что у нас все благополучно и все мы здоровы. Капитан сего судна сообщил нам другое о расположении инсургентов к русским, нежели что мы слышали в Рио-Жанейро: он сказывал, что они не только обходились с ним хорошо, но и по торговым его делам поступали справедливо и честно, оказывали ему особенное перед другими командирами купеческих судов уважение, и не иначе называли его, как капитаном великой нации.

С 1 декабря до прихода нашего на вид Статенландии[68], что случилось 19-го числа, мы шли с разными ветрами, большею частью с северо-западной и юго-западной стороны; дули они вообще умеренно, но несколько раз и бури восставали, только не надолго и не в такой силе, чтоб заслуживали особенного замечания. Погоды не были долго постоянные: мы имели часто ясные дни и туманные; иногда было облачно и дождь, а несколько раз и гром с молнией случался. Но все сии обстоятельства не заключают в себе ничего необыкновенного, чтобы стоили подробного описания. Следующие лишь случаи, на сем переходе повстречавшиеся, заслуживают некоторого внимания.

Будучи уже в широте 37½°, долготе 53°, мы видели еще множество летучей рыбы, дельфинов и несколько черепах, которые, как известно, редко далеко от пределов тропиков показываются; в то же время появились и петрели[69], обитатели холодных стран; а в широте 38¾°, долготе 54½° стали нам попадаться морские растения и видели мы первых альбатросов. Воздух сделался гораздо холоднее, даже слишком холоден, судя по широте, в коей мы находились, ибо термометр стоял не выше 16°[70].

В полдень 8 декабря случилось достойное замечания явление: в 3-м часу пополуночи на стороне ветра по горизонту показались тучи, из коих блистала вдали почти беспрестанно яркая молния. С рассветом тучи сии приблизились к нам; ветер стал дуть порывами, утихая иногда и часто переменяясь; молния блистала над нами с громовыми ударами; дождя же было очень мало. Погода в таком состоянии продолжалась почти до полудня, а после прояснилось, остались только местные облака. Но доколе гром был, каждый почти раз с переменой ветра наносил он чрезвычайно теплый воздух, который тотчас после первого дуновения принимал обыкновенную свою температуру, здесь тогда бывшую; термометр показывал 13°, а когда я поставил оный против нашедшего теплого воздуха, то он вдруг поднялся еще на 3°.

Примечательно еще, что так называемых тропических птиц[14], кои и имя свое получили от обыкновенного места своего пребывания между тропиками, мы видели в широте 46°, долготе 60°, а в широте 49¼°, долготе 61¼° видели мы около нас нырявших и плававших пингвинов, только такого рода, коего я никогда прежде не видывал. Один из них несколько времени следовал за нами: беспрестанно нырял в воду и опять показывался, производя крик, похожий на крик молодых утят. Сколько я мог заметить, что это должен быть род пингвинов, названных у Линнея Diomedea demersa; цвет их темно-кофейный, брюхо казалось белое, и если не все, то, по крайней мере, имели они по бокам белые полосы, которые мы очень хорошо видели, и около глаз были белые овальные круги.

---

[14] Так их называют англичане (Tropic Bird), а у Линнея известны они под именем Phaeton aetherius; французы называют их Paille-en-cul; но матросы наши, услышав о сем названии от офицеров, дали им русское имя: полянки. Сармиенто[71] (Pedro Sarmiento Gambia) видел их в заливе Троицы (de la Trinidad), в широте 50°.

Декабря 16-го, в широте 52°, долгота 64¼°, видали мы большое трехмачтовое судно, которое во весь день шло с нами одним путем, но при захождении солнца пошло к северо-востоку, по направлению к тому месту, где видны были многие фонтаны, пускаемые китами, почему я и заключил, что сие судно должно быть китоловное, находящееся на промысле. Сегодня мы видели очень много китов, а также и пингвины показывались. Некоторые мореплаватели утверждают, что появление пингвинов означает близкое расстояние от земли; но сегодня мы находились от ближайшего к нам берега Фалкландских островов не менее 100 миль, а 13-го числа, почти в таком же расстоянии к северу от них, мы видели пингвинов.

На сем переходе мы почти всегда находили, посредством астрономических наблюдений, что течением сносило нас к северу и северо-востоку иногда более 20 миль в сутки. Я заключил, что течение так сильно стремится здесь к северо-востоку потому, что мы находились на струе вод, кои, обтекая мыс Горн из Великого океана, направляются между Статенландиею и Фалкландскими островами в Атлантический океан, и что если бы мы находились на меридиане Лемерова пролива [72], то есть ближе к патагонскому берегу, то совсем не имели бы противного течения, а вероятно еще, что оно бы нам благоприятствовало, почему я старался приблизиться к берегу Патагонии, но западные ветры до того не допускали.

Восточный мыс Земли Штатов, называемый Сан-Жуан[73], увидели мы в 6-м часу вечера 19 декабря, будучи от него в 20 или 25 милях расстояния по глазомеру.

На другой день мы прошли Землю Штатов и стали огибать мыс Горн. Здесь нашли мы многочисленные стада альбатросов и множество касаток. Доколе обходили мы Землю Штатов, то течение в 42 часа увлекло нас к северо-востоку на 51 милю. Чтоб совсем обойти мыс Горн, употребили мы 25 дней, ибо почти беспрестанно имели противные ветры, дувшие большею частию от северо-запада и от севера.

В продолжение сего времени весьма часто терпели мы бури, которые иногда, а особливо от севера, свирепствовали с ужасной силой, но как судно наше было новое, очень крепко построенное и снабженное самыми лучшими снарядами, то бури сии, при всех своих жестокостях, не могли причинить нам никакого важного повреждения, ниже подвергнуть опасности. Однажды только, при весьма жестокой буре от севера, которая развела столь сильное волнение, какого мы во все путешествие не имели, один вал, вышед из-под кормы, так сильно ударил вверх, что в кормовых окнах выбил рамы и щиты и наполнил мою каюту водою, которою множество из вещей перемочило. Я принужден был велеть во все окна вставить щиты, обить их изнутри парусиною и приготовить парус, чтоб обтянуть корму, на случай, если бы щиты волнением выбило, что нередко случается в здешнем бурном море.

Погода часто была ясная, но большею частию, особливо при крепких ветрах от севера, пасмурная с дождем и градом и довольно холодная: термометр нередко стоял только на 5° выше точки замерзания. Однажды лишь был прекрасный день, какого мы еще не имели с самого отхода от устья реки Платы: при ясном небе и тишине термометр в полдень того дня стоял на 40°.

Время, употребленное нами для обхода мыса Горн, не только было крайне беспокойно для нас, ибо, по причине частых бурь и внезапных порывов, мы почти беспрестанно должны были находиться наверху, но и чрезвычайно скучно: кроме моря и неба, ничего не было видно, и шлюп качало ужасным образом. Одни лишь альбатросы и петрели[15] летали около нас, а особливо первых было чрезвычайно много. Мы их ловили на уду и в разные дни поймали около сотни, более для забавы, ибо мясо сих птиц, как мы оное ни приготовляли, всегда удерживало противный запах морских растений, и потому по привычке только может быть употребляемо

[15] Однажды только мы видели порт эгмонтскую курицу [74] – птицу, известную в Куковом путешествии, которая, говорят, от берега никогда далеко не отлетает; но мы тогда находились от ближайшего к нам берега Огненной Земли не менее как в 200 милях.

в пищу. Впрочем, издержав всю живность, которой запаслись в Рио-Жанейро, мы и альбатросами не гнушались. Птицы сии еще и того более были бы в чести у нас, если бы я не запасся разного рода приготовленными супами и мясом, жареным и вареным.

Новый год встретили мы у мыса Горн, будучи тогда в широте 54°, долготе 76°. Для сего дня унтер-офицерам и рядовым была дана лишняя порция вина; а между тем и жалованье роздал я им, в первый еще раз в сие путешествие, по двойному окладу и по курсу, как оное производилось на шлюпе «Диана», по которым матрос 1-й статьи вместо 4 рублей 32 копеек, получаемых им в России, получил здесь 2⅔ червонца, то есть около 30 рублей. Это все вместе доставило им большое удовольствие, и они, сверх обыкновенных праздничных веселий нашего простого народа, вздумали еще играть комедию собственного их сочинения, что и было охотно им позволено, и дано еще изобретателям сего спектакля небольшое вознаграждение. Ничто так не способствует к сохранению здоровья служителей, как веселое расположение их духа: сим правилом всегда должно руководствоваться, а особливо в трудных походах.

Января 16-го мы *обогнули* мыс Горн. На другой день поутру видели мы очень ясно четыре высокие горы к востоку, в расстоянии по глазомеру от 40 до 50 миль. По наблюдениям нашим, оные должны были находиться на северной части острова Кампаньи[75]. Скоро после восхождения солнца горы сии покрылись облаками, и мы потеряли их из виду.

Сего числа продолжался тот же попутный ветер, который имел все признаки постоянного ветра, вдоль берегов Хили[76] и Перу беспрестанно с южной стороны дующего и в полосу коего, казалось, мы вступили. Однако он скоро перешел в западную сторону и потом несколько дней дул, переменяясь от северо-запада к юго-западу, и часто бывал довольно крепок. Настоящий же прибрежный пассат встретили мы 25-го числа в широте 33½°, долготе 74½°, с которым шли очень скоро и покойно. На всем этом переходе ничего достойного примечания не встречалось, разве только то, что в широте 43½° мы видели летучую рыбу[77], где я не помню, чтобы кому-нибудь она попадалась. Впрочем, часто видели мы китов и много морских растений, а по приближении к тропику встречали разного рода тропических птиц.

Февраля 1-го, будучи в широте 15°, долготе 77°, в 8-м часу вечера вдруг увидели мы влево довольно большой огонь, по-видимому милях в четырех от нас, и хотя не могли рассмотреть судна, но по скорости, с какою мы его проходили, явно очень было, что он находился на судне, в противную нам сторону шедшем. Он был у нас в виду почти до 10 часов и закрылся за кормою. Некоторые из наших офицеров видели другой еще огонь, недалеко от первого: это еще первые суда, которые мы встретили по сю сторону мыса Горн.

Поутру 2-го числа сделалось по горизонту облачно. Потом облака сии превратились в туман и покрыли весь горизонт; туман скоро прочистился, но пасмурность осталась. Полагая, что нам не удастся взять полуденного наблюдения солнца, я стал, по рассвете, держать к северо-востоку, чтоб приблизиться к берегу гораздо южнее Лимы, дабы после, идучи вдоль его в самом близком расстояния, удобно было узнать и отличить остров, который для не бывавших в Каллао[78] один только и есть признак для узнания сего порта. К полудню стало несколько прочищаться и показалось солнце. В полдень нам удалось взять высоту его, но на таком пасмурном горизонте, что широта, по ней определенная (12°44′), не могла быть верна. Мы должны были находиться весьма близко берега, который, однако ж, мрачность не позволила нам видеть до 2-го часу пополудни; а тогда, по очищении оной, вдруг открылись горы чрезвычайной вышины. Они состояли из трех хребтов, один за другим стоявших, из коих задний был непомерно выше других.

Усмотрев берег, мы смелее стали к нему приближаться, и в 3-м часу, будучи в 10 милях от него, мы нашли глубину 85 сажен, на дне зеленоватый ил с мелкими каменьями. В 4-м часу мы подошли к ближнему от нас берегу на расстояние миль пяти; он казался островом.

Опасаясь, чтоб не потерять своего места, буде здесь есть течение к северу, мы стали держаться к ветру до следующего утра. Густой туман, а часто пасмурность с мокротою, продержали нас у берегов Лимы до 7 февраля, которого числа после полудня достигли мы порта Каллао; но по слабости ветра принуждены были в 4-м часу вечера положить якорь при самом входе в порт. За три дня перед сим видели мы у здешних берегов два небольших инсургентских корсара[79], которые, однако ж, к нам приблизиться не смели; испанцев же берут и грабят они подле самых их гаваней.

Лишь только положили мы якорь, как увидели шедшую к нам от стоявших в порте кораблей шлюпку, которая в 6-м часу к нам приехала, имея на корме военный испанский флаг. Мы чаяли найти в ней офицера, но увидели, что приехал простой квартермистр спросить нас, какое наше судно, откуда и пр., и нет ли писем из Испании. На первые вопросы дали мы ему удовлетворительные ответы, а о бумагах я не сказал ему, опасаясь их вверить в руки незначащего человека. Ни квартермистр, ни гребцы его, кроме испанского языка, не знали никакого другого, а потому мы принуждены были толковать с ними кое-как. Мы от него узнали, что за восемь месяцев пред сим были здесь два больших русских корабля[16], шедшие в Северную Америку; что Вальпараисо[80] в руках инсургентов, где они имеют 6 тысяч войска; а Консепция[81] под королевским правлением и войск там 7 тысяч; что при здешних берегах находится много крейсеров со стороны инсургентов, из коих многие состоят из граждан Соединенных североамериканских областей и имеют патенты[82] от правительства новой республики.

Вот первые известия, которые мы получили от первых приехавших к нам испанцев!

Они, уезжая, сказали нам, что на другой день, когда мы подойдем ближе, приедет к нам портовый капитан. Однако ж я, желая скорее отправить бумаги к вицерою и притом, чтобы они были ему вручены нашим офицером, не хотел дожидаться капитана над портом и рано поутру на другой день послал мичмана барона Врангеля в Каллао с тем, чтоб он спросил у коменданта, будут ли с крепости на наш салют отвечать равным числом выстрелов, и просил позволения ехать к вицерою в Лиму с проводником. С ним же послан был клерк 13-го класса Савельев для покупки свежего мяса и зелени, который должен был и ответ привезти в случае отправления Врангеля в Лиму. С рассветом увидели мы в гавани пять больших судов, пришедших ночью с моря: они были испанские. После мы узнали, что суда сии отвезли 4 тысячи войска в Консепцию, потом блокировали Вальпараисо и теперь пришли сюда починиваться.

В 10-м часу сделался легкий ветерок от запада; мы тотчас пошли в Каллао. Потом ветер отошел к югу и стал дуть свежее, почему мы принуждены были лавировать и не прежде могли прийти на рейд, как в 2 часа пополудни. Подходя к рейду, встретили мы возвращающегося из города Савельева, который сказал нам, что на наш салют испанцы будут отвечать тем же числом выстрелов и что Врангель поедет в Лиму в 3 часа пополудни, когда от вицероя получено будет позволение.

Приблизившись к якорному месту, мы салютовали крепости из семи пушек и получили выстрел за выстрел. Скоро после того как мы стали на якорь, приехало к нам несколько испанских господ, в числе коих директор таможни, желавший, как он сказал, поздравить нас с прибытием сюда и познакомиться с нами. Сначала мы не знали, как их принять, потому что они приехали на большой шлюпке под военным флагом и квартермистр стоял; это показывало, что на ней ехали люди значащие, но одеты они были в какие-то белые холстинные фуфайки и широкие панталоны, без галстуков и в круглых шляпах. После уже узнали мы, что здесь этот наряд во всеобщем обыкновении.

Вслед за сими гостями приехал от капитана над портом офицер и с ним один итальянец вместо переводчика. Офицер был послан сказать мне, что капитан над портом получил от

[16] Суда Российско Американской компании «Кутузов» и «Суворов», под начальством флота капитана Гагенмейстера.

вицероя повеление тотчас отправить Врангеля в Лиму и шлюпу сделать всякое пособие, какого только я потребую. После еще у нас были гости, в числе коих находились три дамы, одна из их жена здешнего генерала: они любопытствовали видеть шлюп.

Врангель возвратился уже поздно вечером и сказал, что вицерой принял его весьма хорошо, но не мог с ним говорить, потому что не сыскал переводчика; он же, кроме испанского языка, других не знает. В числе сегодняшних посетителей был миссионер отец Франциско, когорый предлагал нам свои услуги.

Февраля 9-го поутру, в 9 часов, ездил я на берег посетить капитана над портом и коменданта крепости: первый был болен, и потому меня приняла жена его, ласковая пожилая дама, а второй, старик лет шестидесяти, сам принял меня очень приветливо. После сих посещений я осмотрел место, где корабли наливают воду, и возвратился на шлюп. В 11 часов подошли мы ближе к берегу для удобности возить воду.

Поутру было у нас много посетителей, в том числе несколько дам, а после полудня приехал камергер[83] вицероя с письмом ко мне: он был в богатом красном мундире с широкими позументами и со шпагою; переводчиком служил ему Абадиа, главный фактор Филиппинской компании[84], тот самый, которому государь император пожаловал орден св. Анны 2-й степени за услуги, оказанные им одному из кораблей Российско-Американской компании. Камергер имел повеление звать меня завтрашний день к вицерою обедать и сказать мне, что он пришлет за мною свою карету; а Абадиа дал мне знать, будто бы от себя, что вицерою угодно завтра принять меня с некоторым парадом и что я могу взять с собою несколько из наших офицеров; но после я мог уже ездить к нему запросто. Сколько много считал он себя мне обязанным за доставление к нему бумаг, покажет письмо его ко мне. С Абадиа условились мы о снабжении шлюпа всем нужным.

Вечером приехал к нам с визитом комендант крепости Каллао с некоторыми из его офицеров и секретарь вицероя, весьма учтивый, приятного обращения человек, а также много дам, от которых мы не прежде захождения солнца получили покой. Несноснее всего было то, что они и кавалеры, их сопровождавшие, не знали никакого языка, кроме своего природного.

10-го числа в 9-м часу утра прислали с берега сказать мне, что вицеройская карета приехала за мною и дожидается; я тотчас с некоторыми из наших офицеров поехал в Каллао и нашел карету у самой пристани. Она была огромной величины; кругом в стеклах, внутри обита малиновым бархатом; выкрашена, однако ж, просто. Запряжена была шестью мулами одной шерсти; шоры и мундштуки на них были малинового бархата с серебряною оправою; кучера сидели верхом на передней паре и на задней, и как они, так и два лакея одеты были в красные суконные ливреи с серебряным позументом. При сем экипаже находились два гусара верхами. Присланный за мною офицер был подполковник Плато, начальник конной гвардии вицероя. Он мне сказал, что вицерой ожидает всех наших офицеров к обеденному столу; за мною прислал он свою собственную карету, а для прочих приготовлены другие.

Приехав на берег, пошли мы к коменданту завтракать, по приглашению его, вчера нам сделанному. Он нас угощал шоколадом, холодной водой и сигарками, извиняясь в бедности его мебелей и сервиза и жалуясь, что инсургенты всего его ограбили, взявши Сант-Яго, столицу Чили, где он был начальником артиллерии.

В 11 часов утра отправились мы из Каллао и часа через полтора приехали в Лиму. Дорога широкая, совершенно прямая и ровная, местами песчаная и местами усеянная мелкими каменьями. От Каллао до Лимы расстояние 2 испанские лиги (10½ верст). От Лимы в 2 или 3 верстах начинается аллея: по дороге насажены высокие деревья[17] в четыре ряда; между средними двумя лежит широкая, ездовая дорога, а по обеим сторонам узкие аллеи под тенью деревьев для пешеходов. Подле города на левой стороне находится публичный сад, чрезвычайно про-

[17] Перуанские ивы, свойственные только здешней стране.

странный и наполненный разного рода плодоносными деревьями, а на правой стороне целые рощи апельсиновых и лимонных дерев.

Провожавший нас подполковник Плато – здешний уроженец, но воспитан и служил в Испании. Он был в плену у французов, от них ушел в наш корпус генерала Сакена и был знаком со многими русскими, о коих относится с большою похвалою и благодарностью. Он человек ласковый и словоохотливый: дорогою объяснял он мне все, что встречалось нашим глазам, называл все загородные дома и сказывал, кому они принадлежат. Не было ни одного из них, который можно было бы даже назвать изрядным, не только хорошим или красивым, и дорога здесь вообще кажется пуста и дика: кроме аллей, о коих я выше говорил, не видали мы ничего стоящего внимания.

При въезде в город находятся большие каменные ворота, довольно хорошо сделанные и украшенные столпами дорического ордена[85], над коими выставлен герб Испании, окруженный арматурою и надписью, означающею, что они построены при Карле IV, 1799 года. За ними тотчас начинается город, который нимало не соответствует красоте ворот. Я очень много обманулся в своих ожиданиях, думая найти Лиму красивым городом[86]; но теперь увидел, что нет большего города в целом свете, который бы имел столь бедную наружность: улицы длинны и прямы, но крайне узки и нечисты; домики все одноэтажные и двухэтажные, низенькие, с смешными деревянными балконами, оштукатурены и выбелены, но так дурно, что все они кажутся запачканными в грязи. Почти перед каждым из них есть маленький дворик, имеющий вход с улицы узкими воротами. В воротах сих по стенам на обеих сторонах грубо нарисованы какие-нибудь фигуры, по большей части конные солдаты на лошадях с обнаженными саблями, как бы на часах тут стоящие. Церкви велики, но невысоки и украшены снаружи множеством колонн и резьбы, без всякого вкуса расставленных.

Проехав тремя улицами, выехали мы на большую площадь, весьма нечистую и наполненную съестными припасами: мясо, зелень, плоды – все здесь продается. Тут рынок, и кто бы мог вообразить, что сие запачканное место было главною площадью города? На одной стороне ее стоит соборная церковь, на другой – вицеройский дворец, в котором также и присутственные места; а против собора и дворца, сказать по-нашему, гостиный двор: большое здание в два этажа с галереями, где продается всякая всячина.

Когда мы подъехали к вицеройскому дворцу, встретил нас военный чиновник в мундире с двумя эполетами. В сенях стояла во фронте стража, состоявшая из нескольких гренадеров. У входа в первую залу были на часах два человека, одеждой не похожие на людей военных, но с алебардами; в первой зале находилось несколько чиновников, а во второй сам вицерой[18] с большим числом разных особ, в мундирах и во французских кафтанах. Вицерой, ни слова не говоря, повел меня во внутренние комнаты, а за нами пошли и прочие. Пройдя комнаты три или четыре, пришли мы в большую залу, весьма богато убранную, в которой на стене висели образ и портрет короля; под ними поставлены были большие кресла, а по сторонам два стула. Вицерой сам сел на софу, на которую и меня посадил, а подле меня велел сесть одному чиновнику в шитом кафтане и с орденами, которого он называл Senor Intendente[88]. Сей интендант говорил по-французски и должен был переводить наши разговоры. Всех прочих, как наших офицеров, так и своих чиновников, вицерой пригласил сесть поодаль.

Сначала вицерой спросил меня о моем здоровье и счастливо ли я дошел до сего порта. Дав на это ответы, я просил интенданта поблагодарить его за предложение своих услуг и за весьма лестное письмо, коим он меня удостоил. После спрашивал он меня о европейских новостях, о Рио-Жанейро, как мне нравится здешняя страна и пр., и, поговорив с полчаса, пригла-

[18] Он был в синем мундире с красными, богато вышитыми золотом воротником и лацканами; на левой стороне имел две звезды, а через плечо ленту ордена Изабеллы Католической[87].

сил нас к вицеройше. Тогда мы пошли далее внутрь покоев и вошли в большую залу, где она сидела с 4 или 5 кавалерами, одетыми в шелковые голубые кафтаны одного цвета и покроя и в башмаках: это были придворные кавалеры вицероя. Вицерой нас ей представил, и так как она, кроме испанского языка, другого не знает, то разговор наш и не был продолжителен. Она была в простом шелковом, полосатом платье, но вся в богатейших жемчугах и драгоценных каменьях и сидела на креслах, имея под ногами малиновую бархатную подушку с золотыми позументами.

В 2 часа пошли мы за стол: вицеройша шла впереди[19], за ней дочь ее (молодая женщина, жена генерала, находящегося в Хили), потом вицерой, подле него я, а за нами офицеры наши[20] и все прочие. Пройдя несколько комнат и большую галерею, находившиеся подле самого сада, вошли мы в столовую залу. Вицерой сел на переднем конце стола; по правую сторону села вицеройша, а меня посадил он подле себя по левую сторону; на другом конце против него сидела дочь его; подле нее президент[89] и другой какой-то знатный чиновник; подле меня сидел генерал, командующий здешними войсками; он был у нас переводчиком. Офицеры наши сидели в разных местах. Всех за столом было человек тридцать, в том числе одна духовная особа. Столовый прибор был не вицеройский: простая фаянсовая посуда, серебряные ножи и вилки. Стол состоял из множества блюд, приготовленных в испанском вкусе: жирно и с чесноком. Говядина, ветчина, сосиски, голуби, индейки, разные другие птицы и пр. были приготовлены в соусе и жареные; много зелени, плодов разного рода, но рыбы совсем не было[90]. Вино было только красное. И им не потчевали: всякий наливал и пил, когда и сколько хотел.

После стола пошли мы тем же порядком в прежнюю комнату, где подали кофе, ликер и сигары. Через час после того, узнав от Абадиа, что уже время нам отправиться, потому что испанцы после обеда отдыхают[91], мы встали и откланялись. Вицерой проводил нас через две залы и велел сказать, что дворец и стол его всегда к нашим услугам, что мы можем видеть все в городе и он даст повеление показать нам все его достопамятности.

В вицеройском дворце многие комнаты убраны очень великолепно, а другие, напротив, слишком просто. Мне показалось самым лучшим и пристойным украшением изображение в человеческий рост богини правосудия, нарисованное довольно искусно на дверях вицеройского кабинета; впрочем, может быть, богиня и не всегда помогает своими советами!

От вицероя пошли мы в соборную церковь. Огромное здание сие нимало не походит на деревянное: снаружи множество колонн и резьбы; внутри редкого ничего нет, кроме несметного богатства. В главном храме – алтарь круглый, весь из серебра; колонны в два ряда, балюстрады, подсвечники, лампады, пьедесталы под изображениями святых – все серебряное, и многие сии изображения также из серебра.

Из собора пошли мы в дом Абадиа, потом, к вечеру, я с двумя офицерами в вицеройском экипаже, а прочие в других каретах, отправились в Каллао, заехав прежде в Лиму на минуту к адмиралу, начальствующему здешними морскими силами, который сего утра присылал от себя офицера поздравить меня с прибытием. Проезжая по аллее, о которой я выше упоминал, мы видели по обеим сторонам дороги очень много прогуливающихся как дам, так и кавалеров, из коих многие нам кланялись. В 6-м часу вечера возвратился я на шлюп, проведя день весьма приятно.

Февраля 11-го я во весь день был на шлюпе: мы возили воду и дрова. Примечательного ничего не случилось; посетителей было очень мало; накануне, 10-го числа, по случаю воскресного дня, во весь день беспрестанно приезжали из Лимы дамы и кавалеры видеть наш шлюп. Офицеры, оставшиеся на оном, сказывали, что одна партия, состоявшая из нескольких дам и

[19] Я прежде спросил у Абадиа, в обыкновении ли здесь водить дам к столу, как в Европе; но он мне сказал, что это здесь совсем не водится, а они всегда ходят впереди сами по себе, кавалеры же за ними.

[20] Нас всех было пять человек.

кавалеров, приехала с гитарами. Посмотрев шлюп, они сели на шканцах и просили позволения потанцевать. Нашим офицерам это показалось очень странным, но бывший тут ирландец сказал им, что здесь так водится и что партия состоит из людей благородных. Они танцевали по двое, кавалер с дамою, какой-то испанский танец. А вчера вечером, когда некоторые из наших офицеров прогуливались на берегу, один богатый испанец пригласил их к себе, сказав, что у него сего вечера собрание благородных людей, приехавших из Лимы[21]. Офицеры нашли там очень много дам и танцевали.

Мы вообще заметили, что испанцы весьма учтивы и приветливы, и кажется, что они особенно хорошо расположены к русским. Другие европейские народы нередко имели с ними вражду, грабили, разоряли их и подрывали их торговлю. Россия же никогда ни в чем им не вредила, а напротив того, последнею войной с Францией она содействовала избавлению их от чужеземного ига; они в этом и сами признаются и считают себя обязанными русскому императору. Большая часть посетителей приезжали на шлюп для того, чтоб видеть портрет его величества, стоявший у меня в каюте.

Февраля 12-го в 10-м часу утра отправился я, взяв с собою трех гардемаринов[22], из Каллао в Лиму; мы поехали в двух наемных экипажах, заложенных каждый двумя лошаками. Сии повозки на двух колесах называются здесь балансины (Balancin). Во всю жизнь мою я не видывал экипажей смешнее, грязнее и беднее здешних; те, в которых у нас в Петербурге возят актеров, могут назваться почти великолепными в сравнении с лимскими наемными каретами: снаружи они сколько возможно замараны, так что едва цвет краски приметен; внутри все, чем они были обиты, оборвано, и остались одни голые доски, и те все в пыли, паутине; на двух колесах и без рессор, они очень тряски и для лошадей тяжелы; лошаки же – только что кожа да кости, в оборванной упряжке. Кучер – негр, сидит верхом, будучи, буквально говоря, прикрыт только рубищем, сквозь которое лоснится в разных местах черное его тело; полуобутый, небритый – и ко всему этому привязаны веревкою или ремнями ужасной величины шпоры. В таких экипажах шествие наше в Лиму было инкогнито: мы были в партикулярных платьях.

Приехали мы около полудня прямо к Абадиа. Поговорив с ним о делах, касательно снабжения шлюпа всем нужным и распорядив все таким образом, чтоб в будущее воскресенье (17 февраля) мне можно было отправиться в путь, пошли мы с ним смотреть город. Он нас водил в три монастыря: Милосердия, св. Августина и св. Доминика. Все они чрезвычайно велики, в два этажа, имеют по три и по четыре двора внутри, кругом коих строение в обоих этажах с пространными галереями. Здания сии, по огромности своей, более походят на казармы, чем на монастыри. Внутри их очень чисто; церкви же наполнены богатствами: алтари из чистого серебра. Самый богатый алтарь во всей Лиме мы видели в монастыре св. Доминика, посвященный Богоматери Росарии (de Rosaria); он стоит по правую сторону главного алтаря. В нем, в весьма высокой церкви, от полу до потолка нет ничего, кроме серебра: колонны, пьедесталы, балюстрады, все верхние и нижние украшения, лампады, подсвечники, изображения святых – все из серебра. Венцы на Богоматери и на Иисусе, которого она держит в руках, украшены множеством самых редких драгоценных каменьев, равно как и ризы. Самый огромный монастырь здесь св. Франциска, но мы не ходили его смотреть, потому что, кроме величины, он

[21] Из Лимы всегда приезжает много посетителей в Каллао; они пользуются здесь морскими ваннами.

[22] Один из них, Феопемт Лутковский, был во все время нашего путешествия всегдашним моим спутником в таких поездках; он один знал довольно хорошо английский язык, известный во всех приморских местах, европейцами населенных, и приносил мне большую пользу и помощь. Здесь кстати заметить, что в путешествия такого рода необходимо нужно назначать офицеров и гардемаринов, знающих чужеземные языки, но, к несчастию, по неизъяснимой странности, дворяне наши, определившие себя жить в России, знают разные языки и не иначе хотят друг с другом говорить, как по-французски, а из служащих во флоте весьма мало таких, которые знали бы один или два языка, хотя им часто случается быть за границей, где как по делам службы, так и для собственного удовольствия должны они обращаться с иностранцами. Если бы кадеты морского корпуса понимали, как стыдно и больно офицеру, находящемуся в чужих краях, не знать никакого иностранного языка, то употребляли бы всевозможное старание на изучение оных.

ничего примечательного не имеет. Мы хотели видеть женские монастыри, но нам сказали, что туда вход всем мужчинам строго запрещен. В Лиме мужских и женских монастырей не менее, как и во всяком другом испанском городе одной с ним величины.

После монастырей ходили мы смотреть реку Римак, текущую через город, недалеко от вицеройского дворца и подле самого монастыря, принадлежавшего иезуитам. Река очень неширока: не более, я думаю, 50 сажен, но чрезвычайно быстра; через нее сделан нарядный каменный мост.

Обедали мы у Абадиа. В звании первого фактора Филиппинской компании, живет он с прочими ее служителями в весьма большом доме, ей принадлежащем. Каждый из них имеет свои особенные комнаты, но все пользуются общим столом, который сегодня был очень недурен и, что удивительно, противу испанского вкуса: ни в одном блюде не было чесноку.

В 5 часов вечера мы поехали из Лимы и едва, на тощих конях, дотащились до Каллао и уже вечером поздно приехали на шлюп. Тут я узнал, что некоторые из тех господ, с которыми я познакомился у вицероя, приезжали посетить меня.

Февраля 14-го в 8-м часу утра я с некоторыми из наших офицеров и гардемаринов отправился в Лиму смотреть артиллерийский арсенал и монетный двор, которые, по приказанию вицероя, должно было нам сегодня показать. Приехали мы прямо к Абадиа, с которым я сначала пошел к вицерою, чтоб ему откланяться и благодарить за его хорошее к нам расположение. Однако ж он не хотел сегодня со мною прощаться и уговорил меня, чтоб я в субботу (16-го числа) приехал к нему обедать запросто в семейном кругу.

После осматривали мы арсенал и монетный двор: оба сии заведения, в сравнении с европейскими, заслуживают весьма мало внимания. В арсенале находятся и казармы артиллерийских служителей; в них довольно чисто и опрятно; но это все было приготовлено. Офицеры в богатых парадных мундирах, солдаты в чистом платье, по казармам все уложено и вычищено – все сие ясно показывало, что велено было приготовиться, чтоб нас принять. Впрочем, маленький литейный завод, на котором льют мортиры и пушки из меди, привозимой из Хили; оружейная, где починивают старые ружья и приделывают замки и ложи к стволам, привозимым из Европы; рабочая, где делают лафеты из некоего рода здешнего весьма крепкого дерева; литейная пуль и другие маленькие заведения – вот все, что составляет существенное достоинство лимского арсенала, а остальное ничего не значит. Орудий больших и мелкого, как огнестрельного, так и ручного, оружия очень мало. Достойною замечания, а может быть, и подражания показалась мне зала, где преподаются артиллерийские науки; в ней на стенах развешаны большие планы и профили почти всех фортификационных и артиллерийских предметов в соразмерной величине, так что учащийся, куда ни взглянет, везде видит что-нибудь, до его службы касающееся, и столь явственно, что получит, конечно, какое-нибудь впечатление.

Монетный дом достопамятен только по множеству миллионов золота и серебра, чрез него из Америки в Европу перешедших. Прежде выливание слитков, вытягивание оных, резьба и пр. производились посредством деревянных колес, грубо устроенных; ныне же употребляются литые машины, деланные в Англии; старые остались целы, хотя без употребления. Завод действует водою. Особенно замечательно в нем то, что серебро в больших и малых кусках везде разбросано, и кажется, никто не думает, чтоб золотник оного мог быть украден. Это не то, что в Европе, где ноги надобно оскоблить при выходе. Мастеровые и работники на монетном дворе негры, кроме надзирателей, которые все белые.

Ныне каждый день вырабатывают на нем 10 200 пиастров, но не всегда бывает серебра достаточно, потому что самые богатейшие рудокопни потопило водою, и недавно только привезли из Англии паровые машины для осушивания оных. Казначейство также пусто; в нем уже нет тех миллионов, которые прежде сыпались из него в Европу. Испанцы рассказывают, что прежде они так мало дорожили серебром и так не берегли его, что однажды отправили

в Европу на одном фрегате 10 миллионов пиастров[92]: в других государствах с такою суммою послали бы целую эскадру.

16 февраля, в 9 часов утра, отправился я в Лиму за город смотреть пантеон – здесь так называется городское кладбище. Здание и место, сами по себе, ни в каком отношении ничего не значащие; но испанцы удивляются оному и показывают иностранцам за нечто редкое и необыкновенное. Пантеон сей состоит в круглом здании весьма посредственной вышины и обширности, с двумя небольшими флангами; над срединою здания маленький купол, под коим стоит катафалк самой простой работы; а на оном стеклянный гроб, в коем лежит восковое, очень неискусно сделанное изображение Христа Спасителя. На плафоне купола написана картина посредственной работы, представляющая ангелов, херувимов и серафимов, парящих в разных видах.

При сем здании находится пространное место, окруженное высокою оградою. Место это есть общее городское кладбище, на котором нет, однако ж, никаких памятников, ни надгробных камней, как то в других местах бывает. Для погребения людей достаточных, которые в состоянии заплатить 200 пиастров за место, сложены кирпичные стены по нескольку сажен в длину, футов до семи в вышину и столько же в толщину. В стенах сих сделаны в три ряда пустые места, снаружи подобные печным устьям и почти во всю толщину стены, величиною же в отверстии так, чтоб гроб мог войти. Поставив в такое место гроб, закладывают отверстие кирпичом и замазывают глиною; иногда делают надпись или эпитафию; но гораздо чаще ставят нумер, по которому всегда можно в книге приискать, кто тут погребен. Когда места во всех стенах наполнятся, то давно погребенных вынимают и кости их кладут в общую могилу, а места остаются для новых покойников. Бедных же людей зарывают просто в землю.

Недалеко от кладбища есть пороховой завод, который мы весь осматривали; он принадлежит одному частному человеку, сделавшему договор с правительством поставлять порох в казну по известным ценам. Вся работа на сем заводе производится водою, и, кажется, все в нем весьма хорошо устроено и работа идет успешно. Пороху на нем каждый год делается 10 тысяч квинталей (от 25 до 30 тысяч пудов). Вицерой сказывал, что здешний порох не уступает добротою английскому и что во время нашествия французов на Испанию отправлено его туда из Лимы 12 тысяч квинталей. Серу на сей завод привозят из Хили, а селитру делают недалеко отсюда. Замечательна мне показалась неосторожность испанцев: там, где порох мелется в зерна и полируется и где он просушивается, пол выкладен камнем, по коему валяются мелкие камешки, легко могущие, ударившись между собою от движения ходящих по заводу, дать огонь и поднять все огромное и многих тысяч стоящее заведение в один миг на воздух.

Обедал я сегодня, по прежнему предложению, у вицероя, хотя он сам был болен и не выходил к столу. Вицеройша нас угощала за семейным столом; посторонних было мало. Вицеройша, именем своего супруга, вручила мне в подарок трость, сделанную из черепаховой кости с золотыми набалдашником и наконечником, и просила принять ее в память моего здесь пребывания и знакомства с ними.

Вечером, в 6-м часу, возвратясь на шлюп, нашел я, что почти все нужные нам к походу вещи доставлены и остановки к отправлению в путь никакой не последует.

Февраля 17-го с восхождением солнца стали мы готовиться к походу. Между тем послал я офицера к капитану над портом и к коменданту поблагодарить за хороший прием и ласки, от них нам оказанные. Притом велел с комендантом объясниться о салюте: он сказал, что будет отвечать равным числом выстрелов. Около половины дня приехал Абадиа с некоторыми из своих приятелей и купцы, ставившие нам разные вещи, с своими счетами. С сими господами мы часа два рассчитывались и расплачивались; наконец, в 3-м часу пополудни приятели наши, испанцы, нас оставили, и мы тотчас снялись с якоря и пошли с рейда. Тогда я салютовал крепости семью пушечными выстрелами, на которые, однако ж, крепость не отвечала, а с испанского фрегата выпалили из трех пушек. Видев, что крепость не отвечает, я воротился на рейд

и послал офицера сказать коменданту, что мы ожидаем салюта. Коль скоро офицер объявил ему, за чем он прислан, то с крепости тотчас отвечали нам семью же выстрелами, и офицер, возвратясь, объявил, что комендант много извинялся и жалел, что задержал нас: виною сему поставлял он морского начальника, который взял на себя возвратить нам салют. Узнав теперь, что этот дерзкий испанец, командир фрегата, нам отвечал тремя выстрелами, я велел выпалить из трех пушек, в знак, что отвечаю на его салют. Разделавшись таким образом с испанцами в сем пустом, впрочем, необходимом деле, в 5-м часу пошли мы в путь.

Глава третья

Замечания о Лиме и Перу

Лима, столица Перуанского королевства[93], основанная известным в истории Нового Света Пизарро[94] в 1535 году, лежит на западном берегу Америки при Великом океане[23], под широтою южною 12°02′ и долготою западною 76°54′ от Гринвича. Город сей расположен в 10½ верстах от морского берега, где стоит порт Каллао, на возвышенной равнине, у подошвы горного хребта одной из отраслей Кордильерских. Высокая гора, называемая горой Св. Христофора, находится подле самого города. Лима, будучи одним из богатейших городов в свете, имеет самые бедные строения; он расположен правильно, так что все улицы пересекаются в прямых углах, и между ними находится несколько площадей, но улицы очень узки; дома, большею частию одноэтажные, есть много и двухэтажных, но в сравнении с первыми их мало. Строение вообще все деревянное, только оштукатурено и выбелено, так что оно кажется каменным, в самом же деле каменные только одни фундаменты. Сильные землетрясения заставляют жителей в своих зданиях, вместо кирпича или камня, употреблять лес. Испанцы здесь так искусны в сем роде строения, что самые огромнейшие здания они сооружают из дерева. Но ни одно из них не заслужило бы никакого внимания в большом европейском городе, разве только дворец по своей обширности: он занимает целый квартал и вмещает в себе как жилище вицероя со штатом, так и все присутственные места. Монастыри также чрезвычайно обширны, но самой простой архитектуры; внутри каждого из них есть по нескольку дворов и кругом идут пространные галереи против каждого яруса, как у нас в гостином дворе. Через реку Римак, текущую сквозь город, сделан каменный мост; жители здешние, не бывавшие никогда в Европе, показывают его как чудесное произведение зодчества; в самом же деле он не заслуживает того, чтоб об нем и говорить.

Весь город обведен высокою стеною, сложенной из необожженного кирпича, или, лучше сказать, из глиняных четыреугольных кусков, на солнце высушенных. Так как в Лиме никогда не бывает дождей[24], посему такого рода стены здесь довольно крепки и во всеобщем употреблении: они служат оградами дворам, садам, разделяют поля, и даже многие загородные домики и хижины сложены из такой глины. Стена сия имеет четыре или пять ворот. Двое из них я видел: они построены из кирпича с колоннами и выкрашены; ворота сии могут назваться изрядными.

Внутри домов людей зажиточных есть пространные дворы и даже сады. Убор и мебели в покоях все старинного вкуса, но чрезвычайно богаты: вместо обоев дорогие шелковые материи; занавесы у окон также шелковые с золотыми кистями и мебели из редких дерев с резьбою и часто бывают вызолочены. Мне случилось быть в четырех домах, в которых я видел такое старомодное великолепие. Монастыри и церкви лимские, по справедливости, славятся своим богатством: они, можно сказать, наполнены дорогими металлами.

---

[23] Море сие я называю Великим океаном, следуя Флиорье[95]. Вообще же оно известно географам и мореплавателям под именем Тихого или Южного океана: то и другое из сих названий даны ему очень некстати. Испанцы называли оное Тихим, потому что оно у берегов только тихо, а вдали от них столько же в известные времена бурно, как и все другие моря; а название Южного оно от них же получило, ибо они в первый раз увидели оное к югу с западного берега Дариенского перешейка[96].

[24] Сие явление достойно внимания физиков. Кажется, что оно никогда еще не было изъяснено удовлетворительным образом. В 25 или 30 верстах от Лимы в горах часто бывают проливные дожди, а в Лиме ни дождей, ни грому не бывает. По здешним летописям видно, что гром с самого основания Лимы до сего года случился только три раза: в 1552 году молния два раза в одну ночь блеснула с громом, в 1802 году в ночь с 19 на 20 апреля слышны были восемь или девять ударов, и 1804 года апреля 12-го было семь ударов.

Область Перу испанцы называют Перуанским королевством (El Reyno del Peru); она составляет одно из четырех вицеройств, на кои разделяются все испанские владения в Америке.

Каждая из сих областей управляется вицероем почти с неограниченною властью. Вицерои один от другого не зависят. Испанцы в шутках называют их маленькими королями, и действительно, они походят на королей: имеют свой придворный штат, свою гвардию, огромные дворцы и пр. Назначаются они на сей важный пост на пять лет, но иногда остаются и долее. Жалованье перуанского вицероя 60 тысяч пиастров (300 тысяч рублей) в год; сверх того, он имеет еще другие выгоды: одна из них та, что он не нанимает необходимого по его званию множества слуг, а употребляет способных солдат своей гвардии в домашние услуги. Титул перуанского вицероя есть следующий: «высокопревосходительный вицерой, губернатор и капитан-генерал королевства Перуанского».

Главное правительственное место в Перу, называемое королевской аудиенцией[97], состоит из множества разного звания чиновников, не имеющих, однако ж, почти никакой власти, которая вся заключается в вицерое.

Кроме того, есть много других присутственных мест, заведывающих разными частями, к управлению области принадлежащими. Все сии места наполнены чиновниками, получающими большое жалованье.

Церковными делами управляет архиепископ лимский. Он есть первая духовная особа в Перу. Звание сие весьма важно, оно почти равняется с вицеройским. Жалованье архиепископ получает такое же, какое определено вицерою. К духовному правлению принадлежит также и святая инквизиция[98], в Лиме находящаяся; в ней членов бывает три и четыре, из коих каждый получает жалованья 4 тысячи пиастров (20 тысяч рублей) в год за то, чтоб ничего не делать. Кроме архиепископа, в здешнем вицеройстве есть еще пять епископов, а монахов, монахинь, простых священников и миссионеров такое множество, что на вопросы мои о числе оных испанцы отвечали, что нет возможности перечесть их.

По случаю возмущения южных провинций ныне привезено из Испании несколько войск, которые и употреблены в Хили. В обыкновенное же время военная сила, в Перу содержащаяся, очень незначительна и большею частью состоит из нерегулярных войск.

Содержание войск в Перу должно стоить чрезвычайно много испанскому правительству, ибо, кроме дороговизны съестным припасам, солдатам дается весьма большое жалованье: здесь каждый рядовой получает 18 пиастров (90 рублей) в месяц.

Лима по географическому своему положению находится в самом жарком поясе, однако ж местные свойства не только делают климат здешний сносным, но даже и приятным. Почти беспрестанные туманы, покрывающие здешние берега, и каждый день с моря дующие ветры уничтожают действие вертикальных лучей солнца и прохлаждают воздух, а особливо в зимние или те месяцы здешнего полушария, когда светило сие находится по северную сторону экватора. Тогда туманы продолжаются по нескольку дней сряду и скрывают солнце от глаз жителей. В то время здешние уроженцы жалуются на холод, а европейцы находят теплоту самою умеренною. Мы были здесь в феврале месяце, который соответствует августу нашего полушария, и несносных жаров не чувствовали. Сухие туманы были весьма часто, и свежий прохладительный ветер дул ежедневно с моря от 10 часов утра до захождения солнца; термометр на шлюпе один раз только в 8 дней показывал по Реомюру 23½°; обыкновенное же его стояние было на 16, 17 и 18°. На берегу теплота несколько более, но по наблюдениям, в Лиме производимым, видно, что термометр летом в феврале месяце, который бывает здесь самый жаркий, редко поднимается выше 22°, а зимою (в июле) опускается до 9°. Дождей здесь, как то я выше упоминал, никогда не бывает, но выпадающая всякую ночь большая роса доставляет прохлаждение воздуху и плодотворную силу полям, которые в окружности Лимы производят в изобилии разных родов огородные растения и древесные плоды.

Земля здешняя в изобилии производит маис, или индейскую пшеницу, которую жители наиболее сеют, потому что она употребляется в пищу индейцами. Они составляют из нее и питье, весьма похожее на наш квас, которое, однако ж, сильно слабит; также кормят маисом лошадей, лошаков, ослов, домашний скот и птиц. Впрочем, земля могла бы производить и всякий другой хлеб, но, по неимению достаточного числа хлебопашцев, нужное для здешней провинции продовольствие привозили из Хили, доколе область сия не объявила себя независимою, и потому теперь на все произведения, которые были доставляемы оттуда, последовала здесь страшная дороговизна. Но плодоносная земля находится только в равнинах, между горами и морем лежащих, а где начинаются горы, там пойдут дикие, бесплодные места, ибо горы сии состоят почти из голого камня и верхи их покрыты снегом и льдом. С них лед привозят в Лиму и продают по мелочам, сверх того, разносят лимонад со льдом на улицах и подают в кофейных домах и пр. Я удивился, когда у вицероя подали за столом мороженое: под 12° широты такая вещь чудо. Торг льдом здесь на откупу; откупщики платят правительству в год по 30 тысяч пиастров (150 тысяч рублей), и сии деньги идут к вицерою в счет его жалованья.

Хотя съестные припасы здесь дороги, но в них недостатка нет: мне случалось ездить в Лиму рано поутру, и я всегда видел множество поселян обоего пола, гнавших туда, можно сказать, табуны ослов, навьюченных зеленью, плодами и пр., кои они везли туда на продажу; рынки я всегда находил наполненными всякого рода живностью и другими, к пропитанию служащими, потребностями. Дороговизна сия, вероятно, происходит оттого, что здесь денег слишком много, и если пришедший сюда корабль станет платить за все ему нужное деньгами, как то мы должны были делать, служа на военном судне, то ему здешние цены покажутся чрезвычайными; но если бы он стал выменивать на товары, тогда он во всем нашел бы дешевизну, потому что европейские товары покупаются здесь по непомерно высоким ценам. Должно, однако ж, знать, что иностранным кораблям не позволено сюда приходить для торговли; об этом я буду говорить ниже сего.

Сколь ни плодоносна земля долин перуанских, но испанцы не в них находят свои выгоды: горы бесплодные и обнаженные заключают в себе сокровища, которые привлекли их сюда из Европы; может быть, в целом свете нет таких богатств серебряных руд, как в Перу.

Сверх казенных рудокопен, всяк из подданных испанского короля вправе разрабатывать мины дорогих металлов, платя известную часть с добываемого количества. Многие из испанцев сим правом пользуются с большою выгодою. Возмущения, случившиеся в Верхнем Перу[99], и вода, затопившая некоторые из самых богатых мин, произвели большую остановку в добывании серебра, так что лимский монетный двор часто бывает без дела. Для осушивания мин некоторые из частных владельцев прибегли к паровым машинам.

Объявление себя независимыми жителей Буэнос-Айреса и Хили[100] сделало чрезвычайную расстройку в Перу и произвело на все потребности жизни непомерную дороговизну, кроме соли, которой здесь чрезвычайное изобилие в соленых озерах. Во-первых, Хили снабжала Перу хлебом (пшеницею), пенькою, селитрою, медью и пр. (даже горчицу из Хили привозили), а также негров, коих испанцы покупали в Рио-Жанейро[101] или на африканских берегах, нельзя было иначе доставлять в Перу, как через Хили[25]; ибо если бы вздумали везти их морем, то у мыса Горн они все померли бы от холода и бурь. Теперь же все сии пособия пресеклись, а сверх того, республиканские крейсеры разъезжают подле самых портов и перехватывают идущие в них и из них суда, отчего приходящие из Европы купцы стараются вознаградить потерю свою наложением на товары превысоких цен.

Республиканские крейсеры так деятельны и смелы, что недавно один из них взял у самого Кадикса корабль, принадлежащий Филиппинской компании, шедший из Индии с товарами;

---

[25] Их привозили обыкновенно в Буэнос Айрес, откуда вели сухим путем в Хили [102] до порта Вальпараисо; всего расстояния 400 лиг (несколько более 2000 верст), а оттуда перевозили морем в Перу.

он стоил 80 тысяч пиастров, или 4 миллиона рублей. Напротив же того, королевские морские силы и малы и слабы: в Перу не более двух или трех весьма плохих фрегатов и столько же и таких же шлюпов. Один из их фрегатов блокировал Вальпараисо, когда шла туда военная корветта северных американских областей, по имени «Онтарио», под командою капитана Биделя (Biddle); капитан испанского фрегата объявил ему, что порт в блокаде и чтоб он туда не ходил, но Бидель ему отвечал, что если он хочет его остановить, то пусть сделает это силою, которую он отражать будет, а слов его не послушает, и вошел в порт. Испанец не осмелился употребить силы.

Подходя к Лиме, мы сами видели подле сего порта два республиканских судна (бриг и шхуну), а испанское правительство не имеет здесь военных судов, чтоб держать в границах толь слабые силы, каковы теперь у республиканцев. Ныне крейсеров сих большею частью вооружают граждане Соединенных областей Северной Америки на свое иждивение и, получа патент от правительства Буэнос-Айреса, чтоб корабль их был признаваем принадлежащим сей новой республике, разъезжают они под ее флагом по всем морям, где есть испанцы, и чинят над ними поиски, получая от призов величайшую выгоду. Флаг сей республики в Европе еще неизвестен; он состоит из трех равной ширины поперечных полос: белой в средине и двух синих по краям.

Торговля перуанская могла быть весьма значительна, если бы она была открыта европейцам или если бы сами испанцы были так деятельны, как англичане; но теперь она находится в совершенном стеснении. Известно, что испанское правительство в своих владениях вне Европы строго держится колониальной системы и не позволяет никаким чужестранным кораблям входить туда для торговли. Весь же торг должен быть производим испанскими подданными и на испанских судах; лишь Манила на Филиппинских островах и Гавана на острове Кубе открыты для всех европейцев. По недеятельности и лености сего народа весьма малое число купцов отваживаются посылать корабли так далеко, и потому можно сказать, что торговля в Америке почти на откупу; притом чрезвычайно большие пошлины служат к немалому ее стеснению. Теперь за все произведения и изделия испанские платится пошлин 12 процентов, а за все иностранные произведения по 36 процентов. Такие стеснения, причиняющие страшную дороговизну, дают повод к весьма смелой и отважной запрещенной торговле, из коей самая значительная производится англичанами из Ямайки[103] посредством Дариенского, или Панамского, перешейка. Служащие при вицерое чиновники сказывали мне, что посредством сей торговли из Перу в руки англичан переходит каждый год от 5 до 6 миллионов пиастров (от 25 до 30 миллионов рублей).

Кроме сей торговли из Ямайки, деятельные англичане и с здешней стороны не упускают случая пользоваться слабостию испанцев. Промышляющие сим ремеслом обыкновенно поступают следующим образом: нагрузив корабль всякого рода английскими товарами, посылают его за мыс Горн на китовый промысел, где он, убив кита или двух и наполнив несколько бочек жиром, идет в перуанский или хилийский порт под предлогом надобности в починках или съестных припасах, а между тем соглашается с здешними контрабандистами, назначает необитаемое место к выгрузке товаров, и корабль отправляется туда, где товары отдает, а пиастры получает. Мы нашли в Лиме одно английское судно, задержанное испанцами за покушение войти в Вальпараисо. Суперкарг, или приказчик, сего судна[104] сам сказывал нам, что когда, подходя к порту, они увидели шедший к ним испанский фрегат, то тотчас вылили пресную воду, оставив лишь одну бочку, и объявили, что крайность заставляет их идти в порт. Опираясь на сие, они требовали освобождения судна, но испанцы, ссылаясь на великое число найденных в судне товаров, утверждают, что оно не по нужде шло в Вальпараисо, а для торговли. При нашем отбытии дело сие еще решено не было.

Что же принадлежит до товаров, кои можно брать на обмен из Перу, то оные состоят преимущественно в пиастрах, ибо здесь и серебро можно назвать товаром, и в небольшом

числе естественных произведений, кои суть: хина[105], сассапарель[106], хлопчатая бумага, вигонья шерсть[107]; но это такие товары, которыми нельзя полное судно нагрузить. Испанские суда часто без всякого груза уходят отсюда в Европу, взяв только за привезенные ими товары вырученные деньги. В нашу бытность в Каллао находилось там судно, готовое идти в Кадикс[108]; на нем вместо балласта положено было 600 тысяч кокосовых орехов, из коих, вероятно, большую половину хозяин должен будет бросить в воду, но все же для него выгоднее хотя часть их довезти до Европы в хорошем состоянии, нежели идти с каменьями.

Между разными областями Испанской Америки, при Великом океане лежащими, почти вся торговля отправляется морем. Высокие горы препятствуют сухопутному сообщению, кроме некоторых только мест в равнинах, близ моря лежащих; а между Перу и Хили вовсе никакого сухопутного сообщения нет[109], ибо Кордильерские горы между сими двумя областями непроходимы. Торговля, которую можно назвать *прибрежною* торговлею, состоит в доставлении из одной области в другую естественных произведений. Только из Панамы[110] привозят в Перу разные европейские товары, доставляемые туда из Портобелло[111], куда привозятся они чрез Атлантический океан из Испании. Американские же области снабжают себя взаимно своими произведениями. Из Хили в Перу доставляли (до возмущения) хлеб, пеньку, медь, серу горючую и пр., а из Калифорнии[112] не только хлеб, сало и воловьи кожи, но даже сушеную говядину. Филиппинская компания снабжает Перу изделиями Восточной Индии; на сей конец в Лиме есть фактория сего торгового общества, управляемая двумя факторами, присылаемыми сюда из Испании на шесть лет.

Жители Перу с большою похвалою отзываются о сей стране, так как и поселившиеся здесь испанцы. Они говорят, что их беспокоят только случающиеся часто землетрясения и политика испанского правительства в отношении к своим колониям и что последнее гораздо несноснее первого. Землетрясения здесь и ныне бывают почти каждую неделю раз и два, но весьма слабы и не причиняют никакого почти вреда; а прежде они производили ужасные опустошения и несколько раз знатную часть Лимы превращали в развалины. Самое страшное землетрясение и последнее из столь гибельных случилось в 1746 году в октябре месяце: оно разрушило большую часть города. То же самое землетрясение залило порт Каллао, разрушило в оном крепости и каменный мол, выкинуло на берег и погубило множество судов со всеми их экипажами и причинило во всей провинции ужасные опустошения.

Всему свету известно, что жители Испанской Америки имеют полное право жаловаться на политику своего кабинета. Притеснения сии они чувствуют в полной мере; говорят о них открыто и, имея перед глазами пример Буэнос-Айреса и Хили, готовы всякую минуту объявить себя независимыми. Ненависть и презрение их к нынешнему правлению простираются до чрезвычайности. Они говорят, что Перу рано или поздно должен отпасть от Испании[113], но теперь участь его зависит от успеха королевских сил в Хили: если республиканцы возьмут верх, Перу немедленно провозгласит свою независимость и соединится с ними; в противном случае должно будет подождать благоприятного случая.

Лимские жители, в надежде на слабость Испании и на помощь одной сильной морской державы[114], нимало не сомневаются в совершенном успехе своего предприятия, коль скоро начнут только действовать. Испания столь бессильна и правление ее в сих странах столь бедственно, что и по сие время не могла она употребить значащей силы против возмутившихся провинций, которым другие, для выгод своей торговли, почти открытым образом помогают, снабжая их оружием и всякого рода военными снарядами. Королевское правление в Перу весьма слабо: вицерой каждую минуту страшится возмущения; пленных республиканцев, которых Испания признает бунтовщиками и изменниками, содержит он как военнопленных, опасаясь сделать им малейшее насилие, чтоб народ не взбунтовался.

Незадолго до нашего прихода в Лиму был здесь военный фрегат, принадлежащий одной европейской морской державе. Он привозил из Вальпараисо уполномоченного от возмутившихся для переговора с вицероем о размене пленных. Прежде нежели сей депутат съехал на берег, капитан фрегата взял с вицероя честное слово не делать сему уполномоченному никакого насилия. Договор не состоялся, но его возвратили на фрегат, и он оставил в Лиме 10 тысяч пиастров на содержание своих пленных, чтоб они не терпели нужды, а испанское правительство и не думает о своих подданных, попадающихся в руки республиканцев. Сей поступок послужил очень много в пользу возмутившихся, ибо он весьма большое число здешних граждан привлек на их сторону. Но как объяснить поступок капитана, согласившегося на военный королевский фрегат взять посла от возмутившихся провинций, которых независимость ни одна держава еще не признала? Неужели он сделал сие без воли своего правительства? И не значит ли это, что сия держава таким образом намекает уже перуанцам, что она готова признать всю Испанскую Америку свободною и независимою нациею, и не только признать, но и помогать ей? Ибо сей поступок: привезть бунтовщика и обязать законную над ним власть в сохранении его безопасности есть прямая и действительная помощь.

Весьма сомнительно, чтоб Испания когда-либо в состоянии была покорить опять Америку. Вопрос только остается: будут ли начальники возмутившихся провинций так умны и единодушны, чтоб удержать целость всех своих владений, дабы из оных составить одну республику или королевство, буде пожелают избрать короля, а не раздробляться на разные, независимые одна от другой области?[115] В первом случае западные американцы скоро сделались бы сильным и богатым народом, ибо области их в недрах своих имеют все нужное к соделанию их торговою, богатою и великою нациею. В разных портах сих провинций много леса, годного для кораблестроения, и есть все для сего необходимое; в Гваяквиле[116] строятся фрегаты, а в 1752 году и линейный корабль был построен.

Отдаленность верховного правительства, слабость оного и неудовольствия против него здешних жителей причиною, что в Америке дела идут не так хорошо, как бы шли они, если бы здесь была независимая нация: тогда было бы больше усердия, деятельности и привязанности к правительству. Теперь в Перу нет никакой полиции; даже между Лимою и портом Каллао ночью опасно ездить, чтоб не ограбили и не убили. Это здесь нередко случается, и правительство никаких мер к истреблению зла сего не принимает; когда же грабежи и разбои слишком распространятся, то иногда частные молодые люди из хороших фамилий составят вооруженный отряд и пустятся за славою на полицейское поле чести: ловить воров. Когда их поймают, то правительство осудит и накажет, но само не ловит.

Между Перу и Бразилиею обитает варварский лютый народ[117], который почитается самым злым и жестоким во всей Америке и который причиняет много вреда жителям внутренних стран в Перу. Если сии индейцы поймают испанца, то он в их руках никогда ранее трех или четырех дней не умирает; в сие время они держат его привязанного и рвут в разных частях его тело маленькими кусочками, чтоб более продлить мучение его и варварское свое удовольствие, видя его терзания. Правительство против сего народа также не принимает никаких мер, потому что такие меры были бы сопряжены с большими издержками и трудами[26], а управляют страною испанцы, которые, побыв здесь несколько лет, возвращаются в Европу и не думают о Перу, в благоденствии коего они не принимают ни малейшего участия.

Индейцы, живущие между испанскими селениями, смирны и покорны, но не забывают древнего своего состояния. У Абадиа есть престарелый слуга из сего рода, он происходит от

[26] В область сего народа переезд чрез Кордильерские горы чрезвычайно труден, а особливо при перевозе артиллерии; для действия в горах испанцы имеют особенные пушки четырехфунтового калибра, из коих под каждую употребляется три лошака: на одном положена пушка, на другом лафет, на третьем колеса; а каждый лошак может везти 10 арроб, или 250 испанских фунтов (нашего весу 7 пудов 12 фунтов).

поколения инков[118]. Когда он ходит закупать для своего господина съестные припасы в рынок, куда индейцы привозят всякую всячину, то они оказывают ему, по их обычаю, почтение, как принцу, потомку их государей. Индейцы, живущие в соседстве Лимы, занимаются земледелием и рыбною ловлею и уже не так честны, как предки их были: двум рыбакам я заказал привезти рыбы; им же заехать на шлюп было по дороге, но они запросили с меня впятеро дороже той цены, по которой рыба сия продавалась в Лиме, куда им надобно было бы везти ее на осле 10½ верст, вместо того, что мне продали бы ее, не приставая к берегу.

Индейцы живут все по маленьким селениям в хижинах, из сухой глины сложенных. Прежних их городов едва следы приметны: в 5 лигах (27 верст) от Лимы находятся развалины древней их столицы Пачакамы[119], но в таком состоянии, что нужно прежде услышать от кого-нибудь, что это развалины многолюдного города: в продолжение слишком двух с половиною веков испанцы беспрестанно там рылись в надежде сыскать сокровища, в земле спрятанные, и не оставили камня на камне. Некоторые из наших офицеров там были и привезли за редкость головной человеческий череп, но с испанских ли он плеч или с индейских, я не могу сказать.

В заключение сих замечаний скажу, что корабль, имеющий нужду в починках, не должен заходить в Лиму, ибо морские снаряды здесь чрезвычайно дороги, а многих и ни за что достать нельзя, также и работникам должно производить большую плату.

Глава четвертая

Плавание от Лимы до Петропавловской гавани. – Пребывание в Камчатке с краткими замечаниями о сей области

Оставив перуанские берега, правил я так, чтоб безопасно пройти ночью каменья Гормигас[120][27], а с утра 18 февраля велел держать прямо к западу; намерение мое было не слишком приближаться к экватору, чтоб, не теряя свежего пассатного ветра, достигнуть меридиана островов Галлиопагос[121]; тогда держать к северу; пройти экватор к западу градуса на три от сих островов и, достигнув широты 13°, править прямо на запад до долготы 165° О, потом держать уже по курсу к Камчатке. По всему, что я читал и опытом знаю о плавании в Великом океане, сей план мне казался удобнейшим.

Вечером видели мы большое испанское судно, лавировавшее к югу. Сего числа показалось много летучей рыбы, из которых одна, довольно большая в своем роде, взлетела на шлюп.

Февраля 20-го, в широте 10½°, долготе 83½°, имели мы безветрие с проливным дождем. Оное, вероятно, происходило оттого, что мы находились в пределах, где кончается прибрежный пассат и начинается настоящий, по всему пространству океана в тропических морях дующий, потому что после сего свежий ветер стал дуть с юго-востока.

Не встречая ничего, примечания достойного, мы скоро шли по своему настоящему пути.

В широте 7¾°, долготе 90° видели к северу во всю ночь сильную и частую молнию. Это показывало, что экваторные дожди и громы, сопутствуемые безветрием и сильными порывами, угрожали скорее нас встретить, нежели как мы ожидали, что и действительно последовало. В ночь на 25-е число юго-восточный пассат совсем утих, а ветер сделался от севера с проливным дождем, и как мы последние три ночи видели к северу почти беспрестанную молнию и теперь, будучи только в широте около 5°, встретили тишину и дожди, то я имел причину полагать наверное, что мы пассата лишились и должны будем широкую полосу около экватора проходить при тихих ветрах и проливных дождях, чего я прежде не ожидал. Потому я решился, удалясь опять к югу до 8° широты, править на запад до меридиана островов Маркиза Мендозы[122] и под оным уже пройти экватор. На сей конец в 6 часов утра стали мы держать к юго-западу. Северный ветер с дождем продолжался часов до 10-ти, потом отошел к юго-востоку и дул до самой ночи с неровною силою, но утихал и начинал дуть порывами с проливным дождем попеременно; в ночь же на 26 февраля выяснело, и свежий пассат начал правильно дуть от юго-востока.

Тогда я стал править так, чтоб идти близко параллели 7° до долготы 115°, потому что в 1786 году в широте 7°04′, долготе 112° английский капитан Портлок видел стадо береговых птиц и несколько черепах – явные признаки близости земли, почему я и надеялся, что нам удастся, может быть, открыть оную, тем более что наступили лунные ночи, которые позволяли нам в ночное время без всякой опасности нести все паруса и видеть землю издали. Намерение мое было около означенной долготы плыть по параллели 7½°. Но я должен заметить, что такие перемены курса отнюдь не мешали успеху нашего плавания, потому что если я увеличивал расстояние от экватора, чрез который впоследствии надлежало нам переходить, затем в большей широте ветер дул свежее и ускорял ход наш.

Марта 3-го в полдень мы находились по наблюдениям в широте 7°40′56″, в долготе по хронометрам 110°54′58″; следовательно, сего числа перешли путевую линию Лаперуза и были очень недалеко от меридиана, на котором Портлок видел признаки земли, почему мы с боль-

[27] По-испански Hormiga значит муравей.

шим вниманием смотрели кругом себя. Но, невзирая на ясную погоду и весьма чистый горизонт, ничего не видали и даже признаков земли не имели.

Четвертого числа скоро после полудня стоявшие на вахте видели птицу величиною с голубя, похожую на ястреба, которую они почитали береговою, но я не успел ее видеть.

Седьмого числа примечательного случилось то, что около 10 часов утра видели мы вдали стадо птиц, летевших к югу; оные казались не из рода морских, а притом летели они прямо, как обыкновенно пролетные птицы, итак, вероятно, что где-нибудь поблизости нас земля находилась.

Восьмого числа день был мрачный и дождливый; часто находили тучи; солнце только изредка показывалось. В 4-м часу пополудни, когда широта наша была 8°17′40″, а долгота 124°, увидели мы в некотором от нас расстоянии множество птиц, которые издали казались чайками или водорезами[28], летавшими над одним местом; я полагал их от 150 до 200, а некоторые из наших офицеров до 300 насчитывали. Такое множество их подавало основательную причину думать, что недалеко от нас должна быть земля; почему, приведя в дрейф, бросили мы лот, но слишком ста саженями дна не достали. Вечером же, в 8-м часу (в долготе 124½°), несколько времени летала вокруг шлюпа береговая птица.

Во весь сей день было пасмурно; дождливые облака с порывами ветра находили временно почти до самой полуночи, а потом выяснело, и во весь день уже при ясной погоде дул от востока весьма свежий ветер, с которым шли мы по 8 и 9 миль в час. После полудня около шлюпа плавало множество касаток, из коих в двух матросы наши попали острогами, но по причине скорого хода они сорвались; у одной из них острогою разрезало всю спину, и кровь лилась так, что след на воде оставляла, но касатка вместе с прочими плыла и от шлюпа не отставала.

После полудня 13-го числа увидели мы остров Аугага, восточный из Вашингтоновых островов[123][29], а на другой день прошли их. В полдень сего числа мы находились от острова Гиау[124] к западу в 15 милях; тогда стали мы править к северо-западу, чтоб, переменяя долготу, приблизиться к экватору и пройти оный около 150°. Сначала я имел намерение продолжать мое плавание по параллели 8 и 7° южной широты, до долготы 180°, в надежде найти какие-нибудь новые острова. Но как в сей полосе бывали многие из мореплавателей, переходя экватор, то и сомнительно, чтоб в ней могли находиться большие неизвестные острова; а если и есть, то, верно, малые, ничего не значащие. Экватор же я поспешил перейти для того, чтоб воспользоваться лунными ночами; ибо, как известно, под экватором ветры беспрестанно переменяются и дуют порывами, почему и нужно быть весьма осторожну; в светлые же ночи можно несравненно более нести парусов и удобнее с ними управляться.

Пройдя Вашингтоновы острова, мы тотчас встретили северо-восточный ветер, который 15-го числа дул с довольною силою. С сего дня горизонт стал быть всегда весьма облачен и тучи часто местами покрывали небо, однако ж было сухо; лишь ночью, в 10-м часу, быстро через нас прошла туча с проливным дождем, но без порыва ветра.

В широте 2½° заметили мы, что течение стало действовать весьма чувствительно на наш ход к западу: сильное течение в сей полосе Великого океана замечено всеми мореплавателями, здесь бывшими. После полудня ветер стал понемногу утихать, а к вечеру и очень было стих; небо покрылось темными тучами, и я уже ожидал, что скоро начнутся обыкновенные под экватором проливные дожди и порывы ветра; однако же ночью прояснело, и ветер опять стал дуть свежо от северо-востока. 19-го марта во 2-м часу после полудня прошли экватор в долготе почти 150°, пробыв в Южном полушарии без четырех дней 5 месяцев.

---

[28] Я употребил перевод английского именования: Shearwater. У Линнея сии птицы названы Procella ia Puffinus.

[29] Острова сии весьма хорошо описаны в путешествии капитана Крузенштерна, который приставал к одному из них, называемому Нукагива.

Пройдя экватор, имели мы несколько дней такие же погоду и ветер, какие встретили, приближаясь к нему. 21-го числа вечером видели мы во всех направлениях много разного рода морских птиц, почему на ночь убавили парусов, чтоб нечаянно не приблизиться слишком к какому-либо неизвестному острову; а 23-го числа в широте 6° встретили настоящий пассатный ветер, который стал дуть постоянно и весьма крепко от северо-востока, большею частию при пасмурной погоде.

Ночь на 27-е число была темная, и ветер дул крепкий; а так как курс наш был чрез параллель и поблизости каменного рифа, означенного на старых испанских картах под именем Baxo de Manuel Rodrigue (то есть мель Имануила Родерика)[125], то для предосторожности во всю ночь мы шли под самыми малыми парусами; а на рассвете поставили их все и стали править так, чтоб более переменять долготы. Многие сочинители нынешних морских карт выпустили острова, камни и мели, назначенные на старых картах, и потому только, что новейшие мореплаватели не нашли их в тех местах, где они положены на оных. Но это правило может быть пагубно для многих несчастных путешественников, ибо назначенные на старых картах острова и пр., по всей вероятности, действительно существуют, только что географическое их положение, по неимению в те времена средств, неверно определено.

Ветер был крепкий, так что иногда мы шли по 10 миль в час.

Марта 28-го как ночь, так и день были пасмурные и облачные; однако ж солнце иногда сияло. В 6 часов утра, будучи в широте 13°, стали мы править к западу прямо, чтоб между сею параллелью и 14° достичь 175° восточной долготы и потом уже держать прямо к Камчатке.

До 6 апреля мы шли своим путем, не встретив ничего примечательного. Апреля 6-го оставил нас пассатный ветер в широте 20½°. Когда это случилось, я думал, что ветер перешел к югу на время, а потом опять задует пассат и доведет нас градусов до 30 широты[30], однако ж после того все уже ветры были переменные, а погоды непостоянные.

Прошед столь великое пространство жаркого пояса, мы никогда не имели утомительных жаров; свежий ветер прохлаждал воздух, а когда случалась тишина, то почти всегда было облачно. На всем переходе жарким поясом, в коем мы провели около трех месяцев, считая со вступления в оный от мыса Горн, больных у нас было весьма мало, и те самыми маловажными, скоро проходящими припадками, и весьма часто по нескольку дней сряду не было ни одного больного. Это может свидетельствовать, что наши люди, рожденные и воспитанные в холодной стране севера, способны переносить и жар без вреда здоровью.

Нет плаванья успешнее и покойнее, как с пассатными ветрами, но зато нет ничего и скучнее. Единообразие ненавистно человеку; ему нужны перемены: природа его того требует. Всегдашний умеренный ветер, ясная погода и спокойствие моря хотя делают плавание безопасным и приятным, но беспрестанное повторение того же в продолжение многих недель наскучит. Один хороший ясный день после нескольких пасмурных и тихий ветер после бури доставляют во стократ более удовольствия, нежели несколько дней беспрерывно продолжающейся хорошей погоды.

Мы шли к северу и в ночь на 8-е число прошли северный тропик. Скоро после сего в широте около 28° терпели мы сильную бурю от северо-востока, продолжавшуюся 7 или 8 часов. Во время случившейся тогда перемены ветра вал, ударив в корму, изломал у нас висевшую за оною шлюпку, и несколько воды попало в каюту.

Четырнадцатого апреля (день Светлого воскресенья), будучи в широте 29½°, имели такой холод, какого давно уже не чувствовали: термометр стоял на 13°. Сего числа для высокого и пресветлого христианского праздника выдал я нижним чинам в награждение за ревностную их службу и труды третное жалованье: сей награды они по всей справедливости были достойны.

---

[30] В сентябре 1809 года, идучи на шлюпе «Диана» Великим океаном в Камчатку от Ново-Гебридских островов, мы пользовались пассатом до 32½° широты.

После сего, идучи с разными переменными ветрами к северу, при погодах, также переменявшихся, не встретили мы ничего примечательного до 19-го числа, а в тот день, находясь в широте 34°, видели мы почти в одно время несколько тропических птиц, много пучков морских растений, множество разного рода медуз или моллюсков, а также и альбатросы в первый раз еще показались и киты вечером были видны. Я здесь упоминаю о сем по редкости случая, что в одном месте показались вдруг столь многие животные, из коих некоторые по свойству своему принадлежат к двум противоположным климатам, как, например, альбатросы и тропические птицы. Впрочем, вообще я не говорю, когда каких животных, обыкновенных и свойственных полосе места, мы видели, ибо об оных во всех путешествиях почти на каждой странице упоминается.

Апреля 29-го числа после полудня увидели мы камчатский берег; первая земля, открывшаяся нам сквозь мрачность, был Безыменный мыс, лежащий на карте капитана Крузенштерна в широте 51°35½', и камень, от него находящийся к юго-западу в 5 милях. Прочие же берега и горы были покрыты туманом или пасмурностью. От ближнего берега мы находились в 10 милях. После сего противные ветры, пасмурность с частым снегом и туманы продержали нас трое суток у камчатских берегов, не позволив войти в Петропавловскую гавань. Во все сие время берега большею частью были скрыты в пасмурности; иногда только местами могли мы видеть их сквозь мрачность, и очень редко, когда они открывались на большое пространство. Тогда представлялись они в самом странном виде, будучи от самых вершин гор до моря покрыты снегом. Наконец, 2 мая, скоро после полудня, самый легкий ветерок стал дуть от юго-востока. При помощи оного пошли мы прямо ко входу в Авачинскую губу. Вход сей, по прочищении пасмурности, очень хорошо рассмотрели, а между тем курс и расстояние до него определили по наблюдениям. Но ветер дул так тихо и так часто совсем уничтожался, что мы, пользуясь, так сказать, каждым дуновением его, ставили все паруса и не прежде половины десятого часа вечера достигли устья прохода. Так как, приближаясь к нему, засветло с салингов мы осмотрели, что кругом нас в виду ни одного куска льда не было, проход же мне весьма хорошо известен, то я и решился идти ночью, не желая пропустить свежего попутного ветра, который теперь начал дуть. В проходе мы прошли несколько небольших льдин, не коснувшись ни одной из них. В 12-м часу ночи вошли в Авачинскую губу, а в час пополуночи на 3 мая, подойдя к Петропавловской гавани, стали на якорь, совершив путешествие от Кронштадта до сего порта в 8 месяцев и 8 дней, в продолжение которого времени мы находились в портах только 34 дня, а прочее время все в походе. Больных у нас было весьма мало, и то самыми легкими припадками, а часто и совсем не было.

Прибытие наше в Камчатку в такое раннее время, в какое никогда еще, после кораблей капитана Кука, ни одно судно не приходило, и величина шлюпа, по рассвете, привели жителей в немалое удивление. Приехавший к нам офицер здешней экипажной роты Калмыков, мой старый знакомый, которого я знал в прежнюю мою бытность в Камчатке, едва глазам своим верил. Он был прислан от начальника области[31] поздравить нас с прибытием и привез от него несколько свежих съестных припасов. От него мы узнали, что только три дня прошло, как Авачинскую губу сломало и лед вынесло[32]; следовательно, весьма кстати случилось, что противный ветер задержал нас у берегов. В 8 часов мы салютовали крепости из семи пушек и тотчас получили равный ответ. Такая исправность меня удивила, ибо я знал, что прежде всегда пушки по 8 месяцев в году лежали в сараях.

---

[31] Флота капитан 1-го ранга Петр Иванович Рикорд.

[32] Авачинская губа прошла 29 апреля по нашему счету, а по счету в Камчатке – 30 апреля. Я два раза здесь зимовал, и она никогда так долго не стояла. Первые русские пришли в Камчатку с запада, а мы с востока, отчего в счете времени произошла у нас разность целые сутки. Матросы наши, увидев, что в Петропавловской гавани считают воскресенье, когда у нас еще суббота, и не понимая сему причины, думали, что камчатские жители как нибудь сбились в счете и потеряли один день [126].

В 9 часов с некоторыми из наших офицеров ездил я к начальнику области с рапортом о прибытии. Свидание мое с Рикордом было на сей раз непродолжительно, ибо я спешил возвратиться на шлюп, ожидая, что на нас понесет лед от берегов, где его было весьма много, что и действительно случилось в 3 часа утра следующего дня; но лед был слаб и мелок, так что мы свободно отталкивали его шестами, и он шлюпу ни малейшего вреда не причинил.

Для выгрузки шлюпа непременно нужно было ввести оный в Петропавловскую гавань, в которой стоял еще лед, почему Рикорд и я согласились прорубить его. Употребляя для сего наших людей и береговую команду, начали мы работу сию 3-го числа. Между тем носящийся по Авачинской губе лед нас часто беспокоил и принуждал по нескольку часов отталкивать льдины шестами; а 10-го числа в 9-м часу утра свежим южным ветром нанесло на нас пребольшую льдину, которую мы ни перерубить, ни оттолкнуть не могли: льдина сия сдернула нас с якорей. Мы отдали другие якоря; но она не пустила их на дно, почему и прижало нас к мели в самую малую воду. Льдину мы скоро отвели, а прилив пособил нам во 2-м часу пополудни отойти от мели без малейшего вреда. С прибытия нашего время почти беспрестанно стояло прекрасное. Ясные дни, светлые лунные ночи и легкие ветерки вознаграждали нас за грозный вид здешних гористых берегов, покрытых снегом, которые мы имели пред глазами. Пользуясь благоприятною погодою, мы посылали гребные суда ловить рыбу в разные места здешней губы и имели большой успех. В сие время ловилась только одна камбала: она здесь велика и вкусна. Мы ловили ее такое множество, что достаточно было для всей нашей команды.

К 12 мая мы успели прорубить половину льда в Петропавловской гавани, и как стоя в Авачинской губе, нельзя было нам поспешно выгрузить шлюп и работа могла слишком продлиться, то на другой день вошли мы в Петропавловскую гавань. Время тогда стояло прекрасное, при тихом ветре. Но в 11-м часу ночи вдруг нашел от северо-востока порыв, который принес нас к самому берегу, и шлюп стал на мель. Порывы стали находить часто с большою силою, а потому стянуть с мели было невозможно. Опасаясь, чтоб при отливе не повалило нас на бок, мы с большим трудом подтянули к себе пустой охотский транспорт «Иоанн» и прикрепили свои борты и реи к его бортам и мачтам. В таком положении мы оставались до утра. Потом, когда ветер утих, мы завезли на глубину завозы, сгрузили со шлюпа много тяжестей и в 9 часов вечера, при полной воде, сняли его с мели. Сей случай не причинил шлюпу ни малейшего вреда, хотя в малую воду его повалило к глубокому месту на 13½°. На ночь остались мы в самом входе в гавань, а на другой день вошли в оную и в удобном месте утвердили шлюп как должно. Тогда ничто уже нам не мешало приступить к работе с возможною деятельностью.

Величайшее затруднение нам предстояло в привозе балласта и дров: первого нам нужно было до 8 тысяч пудов и надлежало брать оный от гавани в 7 верстах; а дров надобно было более 25 сажен и должно было их рубить в Раковой губе, в расстоянии от нас 5 верст. Если бы нам привелось сии две необходимые потребности возить на гребных судах, то и в два месяца невозможно было бы изготовиться к походу; но мы для сего употребили, с позволения областного начальника, находившийся здесь охотский транспорт, послав на оном своих офицеров и матросов, и он в три раза привез все нужное нам количество балласта и дров. За сию поспешность обязан я деятельности и усердию мичмана барона Врангеля, которому поручил я начальство над транспортом.

Между тем мы исправляли снасти и паруса; свозили на берег и сдавали снаряды, назначенные для здешней области и для Охотска; красили шлюп и пр. Работа шла, при деятельности офицеров и гардемаринов и усердии нижних чинов, так успешно, что в половине июня мы совсем изготовились. Надобно сказать, что мы не все время нашего здесь пребывания проводили в работе и занятиях: офицеры и гардемарины были при должности по очереди, почему имели время ездить на охоту, на теплые воды[127] и пр.; а нижним чинам по праздникам позволялось пользоваться прогулкою на берегу.

Начальник области употребил все способы, от него зависящие и какие только состояние здешнего края могло ему представить, чтоб сделать нам пособие и доставить разные удовольствия. Дом и стол его для всех нас были открыты; по праздникам он приглашал вместе с нами чиновников города и других почтенных людей, чтоб только доставить нам приятное занятие. Супруга и сестра его обходились с нами как с родными. Он всякий почти день присылал к нам для стола чего-нибудь свежего: мяса, дичины, рыбы, молока и пр.; даже нарочно для нас и для матросов наших велел купить рогатого скота в Большерецке и пригнать сюда. Словом, я не могу описать всех одолжений, которые он нам и всей команде делал. Следуя его примеру, и другие живущие здесь почтенные люди оказывали нам доброхотство, гостеприимство и услуги, всякий по своей возможности, за что мы старались их отблагодарить, как могли.

О Камчатке так много было писано хорошего и худого, что я совершенно излишним считаю предлагать читателю мои замечания о ней, но не могу умолчать о счастливой перемене, последовавшей в сей области от нового преобразования правления оной и от определения в начальники над нею одного из самых справедливейших людей, который, живши здесь несколько лет, имел случай и способность вникнуть во все дела сей страны. Прежде еще своего назначения он уже видел все бывшие здесь злоупотребления и недостатки и знал, как пособить им. Рикорд при назначении своем областным камчатским начальником находился в Петербурге, а потому мог лично ходатайствовать за бедных здешних жителей и доставить им пособие правительства, чего он и не упустил сделать.

Известно, что главную пищу большей половины камчатских жителей составляет рыба, которую в четыре летних месяца они заготовляют на целый год; а когда она дурно ловится, зимою бывает голод, и тогда многие бедные люди питаются древесною корою. Но Рикорд исходатайствовал дозволение выдавать, в случае нужды, из казны муку жителям по цене, в какую она обходится казне, а бедным давать за половинную цену и дешевле, смотря по состоянию просящего помощи. И так как здесь вольной продажи муки нет, то теперь камчадалы и не от голода покупают оную из казны, которая от того ничего не теряет, а, напротив, выигрывает тем, что люди делаются здоровее и способнее к трудам.

Второй предмет не маловажнее первого, за который Камчатка обязана нынешнему своему начальнику. Почти все из простого состояния здешние жители обоего пола и даже дети заражены известною дурною болезнию. Прежде лекаря из года в год объезжали область и помогали больным только советами, а лекарства редко сюда привозились; но если бы и были они, то можно ли таким образом вылечить болезнь, требующую диеты, покоя, теплого жилища и пр. Ныне Рикорд учредил лазарет, выписал сухим путем все нужные медикаменты, а морем мы ему привезли, по его же требованию, все госпитальные материалы; притом истребовал он двух искусных врачей, из которых один[33], по гражданскому ведомству, имеет попечение о больнице.

Сначала камчадалы, думая, что их станут лечить по-прежнему, то есть без всякой пользы, не хотели вступать в лазарет; но после, узнав, как их там хорошо содержат, кормят и пр., а более, увидев едва ходивших прежде своих товарищей совершенно излеченными, стали со всех сторон привозить больных в лазарет, и Любарский своим искусством и старанием справедливо заслужил полную их доверенность и благодарность.

Заведенная в Петропавловской гавани Рикордом ремесленная школа, для которой мы, по его же требованию, привезли все нужные инструменты и снаряды английской работы, также со временем принесет большую пользу здешним жителям: теперь камчадал едет за 300 или 400 верст отдать в починку свое ружье, которое ему необходимо, или сделать какую-нибудь нужную ему железную вещь, потому что во всей области три или четыре слесаря и кузнеца. Духовное училище, Рикордом же заводимое, так же останется не без пользы.

[33] Штаб-лекарь Любарский.

Количество пороху и свинцу, выдающееся камчадалам из казны, по ходатайству Рикорда увеличено, и бедные камчадалы перестали платить непомерные цены за сии две необходимые для них вещи, которые они должны были покупать у купцов. Лазарет военнослужащих, состоящий под управлением также искусного врача[34], теперь на таком же основании, как и в других русских портах: лекарства, инструменты и госпитальные материалы, по требованию Рикорда, присланы с нами из Петербурга. Больных содержат хорошо; когда нужно, покупают свежую говядину; а прежде хотя и находился здесь казенный рогатый скот, но до прибытия Рикорда в Камчатку больных кормили медвежьим мясом, и то весьма редко; впрочем, они ели, как и здоровые, летом свежую рыбу, а зимою вяленую.

Супруга Рикорда немало также приносит пользы здешнему краю, подавая всем пример трудолюбия. Будучи рождена и воспитана в одном из самых прекрасных климатов Российской империи, она с удовольствием предприняла многотрудный путь с своим супругом чрез всю Сибирь, а потом морем из Охотска в суровую Камчатку, где совсем не ропщет на ужасные, неприступные горы и дремучие леса, никакого сравнения не имеющие с родимыми ее украинскими долинами и садами, будучи довольна своим супругом и своими занятиями. Она соорудила первую еще оранжерею в Камчатке: о сем роде хозяйства здешним жителям и по слухам не было известно; она научила их, что можно победить природу, не позволяющую рано садить семена, деланием рассадников.

Я весьма счастливым себя почитаю, что сей почтенной даме мог принести удовольствие, доставив в Камчатку фортепьяно и парные дрожки со всею упряжью. Первое удалось мне довезти в совершенной сохранности. Для дрожек, к счастию, нашлись здесь две смирные и довольно статные лошади, которые с первого раза пошли хорошо. Это был еще первый экипаж на колесах в Камчатке от сотворения мира, и потому жители смотрели на него несравненно с большим удивлением, нежели у нас стали бы смотреть на того, кто по Петербургу поехал бы на собаках.

Заметив все главные и полезнейшие перемены, сделанные Рикордом, не должно оставить без внимания и других, служащих к опрятности и чистоте города. Теперь уже жители не могут ставить своих домиков где и как попало, но обязаны строиться на показанных местах и наблюдать около них чистоту, для чего учреждена полиция, которая запрещает бросать на улицу всякую зловонную дрянь, столь же отвратительную для вида, как и вредную для здоровья. Здесь кстати заметить следующий, достойный похвалы, поступок Рикорда, показывающий уважение его к памяти людей, кои были полезны свету, какой бы, впрочем, нации они ни принадлежали. По новому расположению города памятник, воздвигнутый офицерами корабля «Надежда» над могилою известного английского мореплавателя капитана Кларка[128], должен был бы стоять в самой худой части города, почему Рикорд решился перенесть его на другое, приличное место. Для сего надлежало и прах сего мужа перенести туда же; что он, с согласия здешнего духовенства, и сделал в нашу бытность. Остаток гроба и прах были положены в другой ящик и с пристойною церемониею, в сопровождении всех нас и стоявшей в ружье здешней экипажной роты, был перенесен к назначенному месту и опущен в могилу; причем память покойника гарнизон почтил семью пушечными выстрелами.

Июня 15-го вышли мы из гавани в Авачинскую губу. Я хотел в тот же день отправиться в море, но тишина и противный ветер с густым туманом не только продержали нас весь этот день, но и еще трое суток. Транспорт «Сильф», под начальством лейтенанта Рудакова, назначенный идти в Охотск с почтою, с коею и мои донесения отправились, терпел одну с нами участь. Мы несколько раз покушались идти, но ветры всегда нас останавливали. В сей промежуток времени Рикорд и другие господа с берега нас посещали и всякий день присылали чего-нибудь

[34] Штаб-лекарь Застолпский.

свежего, а особливо много прекрасной рыбы, называемой здесь хайко[35], которая ныне начала ловиться. Мы посолили несколько бочек рыбы для морской нашей провизии, а также запаслись и черемшою: известно, что растение сие сильно действует против цинги.

Семнадцатого июня я в последний раз виделся с Рикордом и распрощался, а 19 июня на рассвете, при тишине подняли мы якорь и помощью течения и буксира к 8 часам утра вышли из пролива на простор, где вскоре задул ровный ветер от юга, с которым мы и пошли в путь, взяв курс к Шипунскому мысу[129].

[35] Из роду лососей: почти все лучшие здешние рыбы суть лососиного рода (salmo).

Глава пятая

Плавание из Петропавловской гавани к Беринговым островам, оттуда к западнейшему из островов Алеутских и вдоль гряды сей. – Прибытие к острову Кадьяку и пребывание на оном

В числе предметов, принадлежащих к цели моего путешествия, находилась опись американского берега, как то я выше упоминал, простирающегося от широты 60° до широты 63°, которого капитан Кук не мог описать по неимению малых парусных судов; мне же предписано было взять из Камчатки транспорт. Но в таком случае, когда я узнаю, что лейтенант Коцебу[130], начальник брига «Рюрик», иждивением государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева посланного в здешние моря для открытий, имевший от его сиятельства поручение описать и сей берег, к оному приступил, предписано мне оставить сию статью моей инструкции без исполнения. В Камчатке же, по полученным с почтою газетам, увидел я выписку из донесения Коцебу к государственному канцлеру; оная достоверно мне показала, что Коцебу к сему делу приступил с успехом и сделал все распоряжения, чтоб на следующий (1816) год опять продолжать исследования свои с помощию больших лодок, кои он велел приготовить на острове Уналашке[131]; а посему и надлежало исполнить только прочие статьи данного мне предписания. На сей конец я решился идти к островам Берингову и Медному для определения их положения, ибо знаменитый наш мореплаватель вице-адмирал Г. А. Сарычев, в своем путешествии по здешним морям, говорит, что остров Медный на карте капитана Кука положен 25 минутами южнее настоящей его широты: ошибка в широте до полуградуса весьма важна, и потому надлежало достовернее о ней разведать.

В 8-м часу вечера Шипунский Нос был от нас прямо на запад, в расстоянии 8 или 10 миль. От сего места я стал держать к Кроноцкому мысу[132]. В 9 часов увидели мы сопку сего имени[133] почти на север, ибо погода была ясная, чистая; но на рассвете 20 июня нашел густой туман и скрыл от нас берега, почему в 8 часов утра мы направили путь прямо к Берингову острову[134], который в сие время находился от нас в расстоянии 210 миль. Туман, при умеренном ветре, продолжался до вечера; потом он прошел; горизонт сделался чист, и небо местами выяснело, но берега были покрыты мрачностью, и мы их видеть во весь день не могли.

Во всю ночь на 21-е число мы правили к Берингову острову и шли со скоростью 6 и 7 миль в час. Поутру, хотя было облачно и горизонт не совсем чист, однако ж позволял видеть предметы на большое расстояние. В половине десятого часа увидели мы Берингов остров прямо перед нами; тогда, по нашему счислению, он должен был от нас находиться в расстоянии 40 миль, но по глазомеру казался гораздо ближе. Если бы мы и не ожидали встретить здесь землю, то птицы показали бы нам приближение к оной: они летали в большом числе около нас и такие, которые никогда от берега далеко не отлетают.

Скоро после полудня открылся нам в пасмурности остров Медный, к которому мы прямо шли, а на другой день в 3 часа утра пошли к южной оконечности сего последнего и, приближась к оной на расстояние 1½ мили, пошли вдоль берега. Ветер тогда дул от юго-запада крепкий и с туманом; но мы, будучи под ветром у острова, не чувствовали силы его, и у нас было ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.